This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

[illegible]ИЛОНЪ

[illegible]

[illegible]ПОЛНЕННОЕ

[illegible]

UNIV. OF CALIFORNIA

ЮНЪ

MILLIKEN LIBRARY

Типографія А. С. Суворина.. Эртелевъ пер., д. 13

B51180
D445
1907

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая вниманію читателей книжка составляетъ содержаніе двухъ чтеній знаменитаго нѣмецкаго ассиріолога, Фр. Делича, вышедшихъ вскорѣ отдѣльнымъ изданіемъ («Babel und Bibel», ein Vortrag von Friedrich Delitzch). Сочиненіе это произвело цѣлый переполохъ какъ среди широкихъ круговъ читающей публики, такъ и въ тѣсной средѣ присяжныхъ богослововъ. Смѣлыя сопоставленія текста Библіи съ дошедшими до насъ отрывками вавилонской и ассирійской литературы и множество новыхъ свѣдѣній, внесенныхъ Деличемъ въ эту, донынѣ мало изслѣдованную, область исторіи, навлекли на него обвиненія въ желаніи подорвать устои религіи, уронить божественный характеръ происхожденія библейскихъ сказаній. Въ отвѣтъ на такія нападки Фр. Деличъ издалъ небольшую брошюру, — ею мы также

M304433

воспользовались для нашего изданія,—гдѣ онъ доказывалъ всю несостоятельность поднятаго на него гоненія. Мы думаемъ, что лучшимъ оправданіемъ талантливаго ученаго можетъ служить сама его книга, такъ живо и увлекательно написанная.

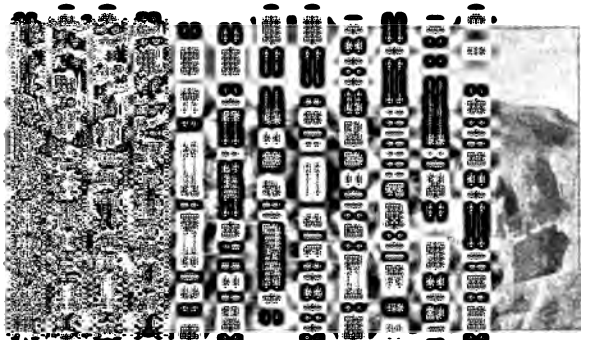
26 Мая 1906.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ 4-му ИЗДАНІЮ.

Появившійся въ Германіи третій докладъ проф. Делича о результатахъ ассиро-вавилонскихъ раскопокъ, въ связи съ несомнѣннымъ успѣхомъ, выпавшимъ на долю нашего перевода двухъ первыхъ частей «Babel und Bibel», позволяетъ намъ предложить вниманію нашихъ читателей новое, четвертое, изданіе изслѣдованій извѣстнаго ассиріолога. Въ это изданіе вошли всѣ измѣненія, сдѣланныя проф. Деличемъ въ позднѣйшихъ изданіяхъ двухъ первыхъ докладовъ, а равно и переводъ вышеупомянутаго третьяго доклада его, еще неизвѣстнаго нашимъ читателямъ.

Переводчикъ.

UNIV. OF CALIFORNIA



[illegible] авилонѣ.

[illegible] еные всѣхъ [illegible] ываютъ ты- [illegible] же до грун- [illegible] стремятся [illegible] печить себѣ [illegible] раскопокъ. [illegible] ую опасно- [illegible] землѣ, въ [illegible]

[illegible] вый Свѣтъ [illegible] ь за этими [illegible] ь служить [illegible]

[illegible] Валтасарѣ [illegible] ости окру- [illegible] ъ очарова- [illegible] ременъ, ко-

торыхъ мы воскрешаемъ снова въ своей памяти, никогда не были бы для насъ такъ интересны, не будь среди нихъ именъ Амрафела, Санхериба и Навуходоносора, знакомыхъ намъ уже со школьной скамьи. А являющееся въ болѣе зрѣломъ возрастѣ у каждаго мыслящаго человѣка стремленіе выработать себѣ міросозерцаніе, которое удовлетворяло бы умъ и сердце, еще настоятельнѣе заставляетъ насъ возвращаться къ вопросу о происхожденіи Библіи, особенно Ветхаго Завѣта, съ которымъ, однако, исторически неразрывно связанъ и Новый Завѣтъ.

Можно только удивляться, съ какимъ вниманіемъ изучается въ настоящее время въ Германіи, Англіи и Америкѣ — трехъ странахъ, справедливо называемыхъ «странами Библіи» — Ветхій Завѣтъ, эта маленькая библіотека разнообразныхъ книгъ.

Производимая въ тиши ученыхъ кабинетовъ, эта умственная работа пока еще мало извѣстна широкимъ кругамъ читающей публики. Но не можетъ быть никакого сомнѣнія, что, когда эти изслѣдованія проникнутъ въ жизнь,—въ церковь и школу,—они произведутъ въ умахъ людей бо̀льшій переворотъ, нежели всѣ самыя важныя открытія, сдѣланныя естественной наукой въ послѣднее время.

И все больше растетъ убѣжденіе, что именно раскопки въ Ассиріи и Вавилоніи создадутъ новую эпоху какъ въ пониманіи, такъ и толкованіи Ветхаго Завѣта, и что чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе будетъ обнаруживаться тѣсная связь между Библіей и исторіей Вавилона.

Какъ, однако, измѣнились наши представленія объ историческихъ событіяхъ! Давно ли Давидъ и Соло-

монъ, жившіе за 1000 лѣтъ до Р. Хр., Моисей жившій за 1400 лѣтъ, и Авраамъ—за 800 лѣтъ до Моисея, казались намъ первыми людьми, населявшими землю, а тотъ фактъ, что до насъ дошли столь подробныя свѣдѣнія о ихъ жизни, казался такимъ сверхъестественнымъ, что мы съ вѣрой принимали и разсказы о сотвореніи міра и человѣка. Даже великіе умы находились подъ обаяніемъ окружавшей первую книгу Моисея тайны.

Теперь же, когда пирамиды открыли намъ свои тайны, когда растворились ассирійскіе чертоги, мы видимъ, что народъ израильскій съ его письменностью является однимъ изъ младшихъ среди его сосѣдей.

Почти до нашего столѣтія Ветхій Завѣтъ заключалъ въ себѣ совершенно особый міръ. Онъ повѣствовалъ о временахъ, до которыхъ едва доходила классическая древность, и о народахъ, о которыхъ греки и римляне не знаютъ вовсе или упоминаютъ лишь мелькомъ.

До сихъ поръ Библія представляла единственный памятникъ исторіи всего передне-азіатскаго міра передъ 550 г. до Р. Хр. и, охватывая въ своемъ изложеніи огромный квадратъ отъ Средиземнаго моря до Персидскаго залива и отъ Арарата до Эѳіопіи, естественно, заключала въ себѣ множество загадокъ, разрѣшить которыя едва ли бы удалось.

Теперь все дальше и дальше въ глубь вѣковъ отодвигаются стѣны, закрывавшія ветхозавѣтныя событія. Яркій свѣтъ вмѣстѣ со струей живительнаго вѣтра съ Востока пробѣгаетъ по листамъ старой книги, все болѣе и болѣе освѣщая тѣсную связь, суще-

ствующую между древнѣйшей исторіей еврейскаго народа и исторіей Ассиро-Вавилоніи.

Американскіе раскопки въ Ниппурѣ обнаружили торговые документы крупной фирмы Мирашу и С-вья, существовавшей въ этомъ городѣ во время Артаксеркса (около 450 г. до Р. Хр.). Въ нихъ мы можемъ прочесть много именъ оставшихся въ Вавилонѣ еврейскихъ изгнанниковъ, какъ напр. Наѳанаилъ, Аггей, Веніаминъ. Тамъ же мы читаемъ, въ связи съ городомъ Ниппуромъ, о какомъ-то каналѣ Кабаръ, въ которомъ безъ труда узнаемъ знаменитый, благодаря видѣнію Іезекіиля, каналъ Ховаръ «въ странѣ Халдеевъ» (Іез. I,3). Этотъ canale grande—таково значеніе слова Кабаръ — быть можетъ существуетъ и въ настоящее время.

Такъ какъ вавилонскіе кирпичи по большей части имѣютъ также и клеймо того города, къ которому принадлежитъ зданіе, то сэру Г. Раулинсону удалось уже въ 1849 году открыть въ огромномъ холмѣ el Mugajjar, на правой сторонѣ нижняго теченія Евфрата, слѣды давно отыскиваемаго халдейскаго города Уръ, который все съ большею увѣренностью признаютъ за родину Авраама, т. е. прародителей Израиля (Бытія XI, 31; XV, 7).

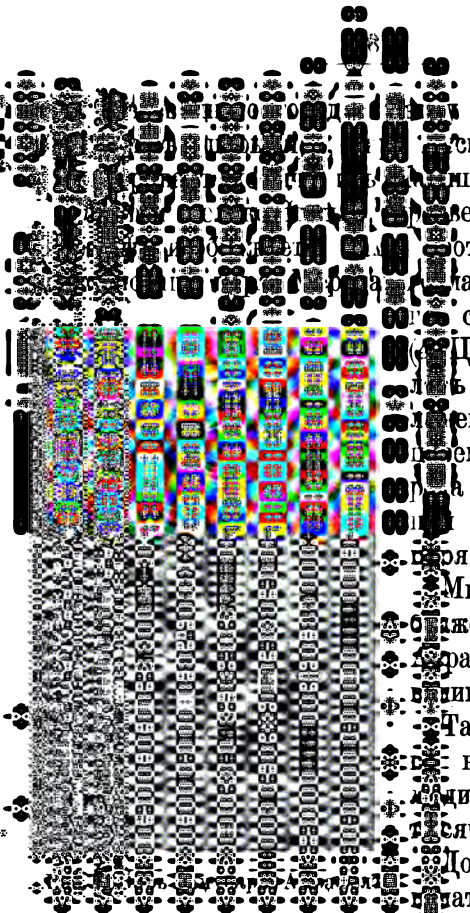
Свѣдѣнія, доставляемыя намъ литературой клинообразныхъ надписей, позволяютъ легко опредѣлять мѣстонахожденіе многихъ пунктовъ, упоминаемыхъ въ Библіи.

Очень долго безуспѣшно искали около устья Евфрата городъ Кархемишъ, около котораго Навуходоносоръ въ 605 г. до Р. Хр. одержалъ большую побѣду надъ фараономъ Нехо (Іер. XLVI, 2). Между

тѣмъ въ мартѣ 1876 г. англійскій египтологъ г. Смитъ отправился въ Алеппо внизъ по теченію Biredschik, въ мѣстность, гдѣ, согласно указаніямъ клинообразныхъ надписей, должна была находиться древняя хетская сторона, и тотчасъ же съ увѣренностью отождествилъ развалины города Джерабисъ (по величинѣ превосходящаго Ниневію) съ Кархемишемъ, что̀ и было вскорѣ подтверждено разсѣянными по городу надписями, изображенными своеобразными хетскими письменами.

Благодаря этимъ раскопкамъ, большое число именъ, упоминаемыхъ въ Библіи, представлявшихъ до сихъ поръ лишь «звукъ пустой», облеклись въ нашемъ сознаніи въ плоть и кровь. Такъ пророкъ Исаія (XX, 1) упоминаетъ объ ассирійскомъ царѣ Саргонѣ, отправившемъ своего полководца противъ Асдода. И дѣйствительно, когда въ 1843 г. французскій консулъ Эмиль Ботта, по совѣту одного нѣмецкаго ученаго, началъ производить раскопки на холмѣ Chorsabad, недалеко отъ Мосула, то первый открытый ассирійскій дворецъ оказался какъ разъ дворцомъ этого Саргона, завоевателя Самаріи. А на одномъ изъ великолѣпныхъ алебастровыхъ барельефовъ, украшавшихъ стѣны дворца, передъ глазами изслѣдователя предсталъ самъ этотъ славный воинъ, изображенный бесѣдующимъ со своимъ полководцемъ.

Библейская Книга Царствъ (4 Царств. XVIII, 14 и сл.) разсказываетъ, что царь Санхерибъ принималъ дань отъ іерусалимскаго царя Езекіи въ городѣ Лахишѣ, на югѣ Палестины. Барельефъ во дворцѣ Санхериба въ Ниневіи изображаетъ великаго ассирійскаго царя сидящимъ передъ своей палаткой въ

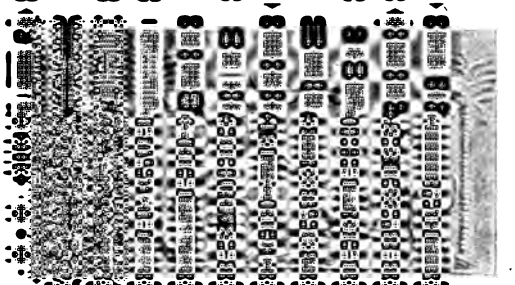


надпись, гласящая: сиріи, сѣлъ на тронъ мша».

вефъ, хранящійся въ отивника Санхериба, адана, отправивша- согласно Библіи Царств. XX, 12) пос- къ Езекіи съ пред- еніемъ союза. Передъ емъ начальникъ го- а Вавилона, получив- въ подарокъ отъ ря много земель.

Мы имѣемъ даже изо- женіе современника раама (Бытія, XIV), ликаго царя Гамураби. Такимъ образомъ сно- воскресли всѣ эти ди, жившіе почти три сячи лѣтъ тому назадъ. До насъ дошли также ати многихъ изъ хъ царей. Вотъ, напр., таспа, составляющая го музея: царь подъ Ормузда охотится на хъ языкахъ гласитъ: печать древнѣйшаго вавилонскихъ власти- ргона I, жившаго за тія до Р. Хр.

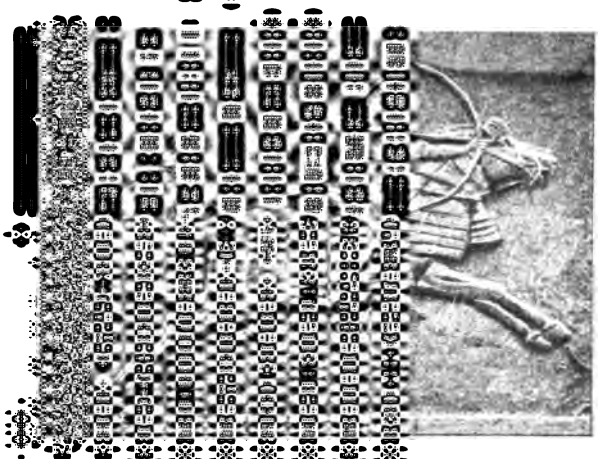
[illegible] иналъ своего [illegible] сына. Такъ [illegible] альчикъ по- [illegible] кѣ. «Въ Асу- [illegible] но, положила [illegible] ей отверстія [illegible] ня на своихъ [illegible] взялъ меня, [illegible] адовникомъ.



[illegible] еснаго царя, [illegible] редъ нашими [illegible] ныя съ мно- [illegible] ва изображе- [illegible] какъ вѣрно [illegible] израильтя- [illegible] тмать, что и [illegible] итскій вождь, [illegible] ецъ такъ же [illegible] ми художни-

[illegible] лись мы, благодаря [illegible] рійцами, исторія и [illegible] ятъ лѣтъ тому на- [illegible] лими для насъ.

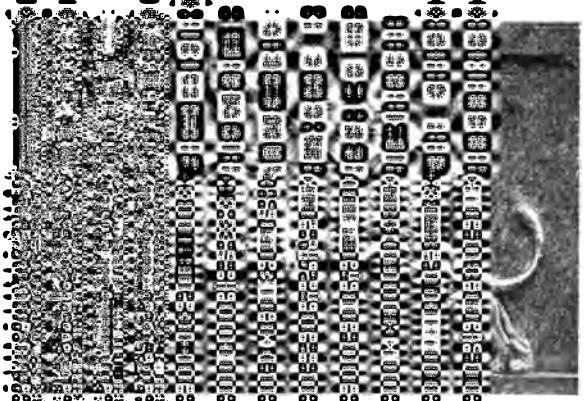
[illegible] ковъ получили пре- [illegible] ошедшихъ до насъ



[illegible] на охотѣ.

[illegible], онъ легко и скоро [illegible] сталаго, ни изнемо- [illegible] тъ и не заснетъ и [illegible] го и не разорвется [illegible] острены, и всѣ луки [illegible] подобны кремню и [illegible] —какъ ревъ львицы; [illegible] и унесетъ, и никто [illegible]

[illegible] ваетъ намъ
[illegible] ъ воиновъ.
[illegible] сункахъ мы
[illegible] ообразныхъ
[illegible] агеря. Вотъ
[illegible] зны непрія-



[illegible] льва.

[illegible] ятъ несчаст-
[illegible] дѣтей.
[illegible] щихъ свои
[illegible] ассирійскіе
[illegible] жими стрѣл-
[illegible] ются вверхъ,
[illegible] при помощи
[illegible] жествуя, не-
[illegible] ловъ.
[illegible] дящимся на

бронзовыхъ воротахъ Салманасара II, и алебастровымъ барельефамъ дворцовъ Саргона и Санхериба мы можемъ прослѣдить до мельчайшихъ подробностей организацію военнаго дѣла этого перваго военнаго государства.

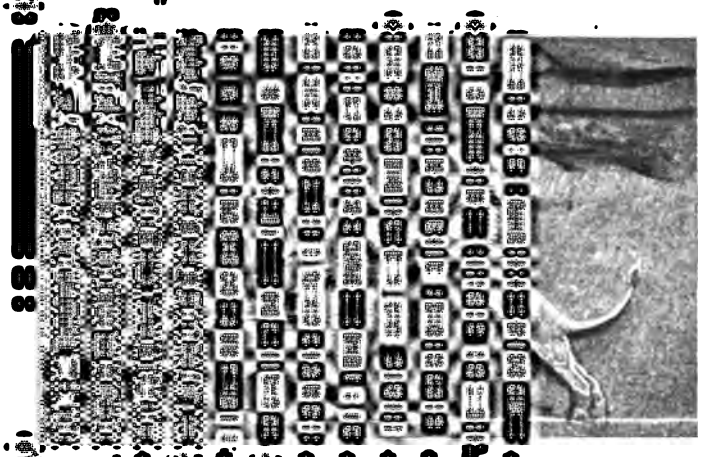
Мы видимъ портретъ ассирійскаго офицера изъ штаба Саргона, съ крайне оригинальнымъ фасономъ бороды. Далѣе пажи царскаго двора, несущіе—повидимому, во время какой-нибудь торжественной процессіи—царскую колесницу и царскій тронъ.

Много прекрасныхъ барельефовъ рисуютъ намъ царя Сарданапала на охотѣ, особенно во время его любимой охоты на львовъ, для которой множество отличныхъ экземпляровъ этихъ животныхъ содержалось въ особыхъ охотничьихъ паркахъ въ спеціально устроенныхъ клѣткахъ.

Когда царь Саулъ не хотѣлъ отпустить юнаго Давида на борьбу съ Голіаѳомъ, тотъ напомнилъ царю, какъ часто во время сна своего отца онъ караулилъ за него стада, и когда волкъ или левъ похищали изъ стада какое-либо животное, онъ догонялъ похитителя, билъ его и отнималъ у него добычу. Если же левъ бросался на него, онъ хваталъ его за гриву и убивалъ.

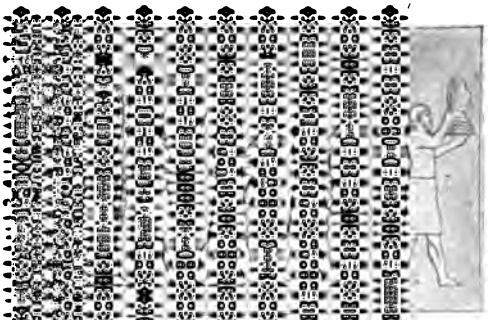
Подобнымъ же образомъ охотились на львовъ и въ Ассиріи. Одинъ барельефъ рисуетъ намъ въ борьбѣ со львомъ царя Сарданапала — не верхомъ и не на колесницѣ, а пѣшимъ: смѣло удерживая одной рукой льва за гриву, другой рукой царь вонзаетъ ему кинжалъ прямо въ сердце.

Мы можемъ бросить взглядъ и на приготовленія къ царскому обѣду: увидимъ слугъ, несущихъ зайцевъ, куропатокъ, прикрѣпленную къ палкамъ саранчу,



[illegible] со львомъ.

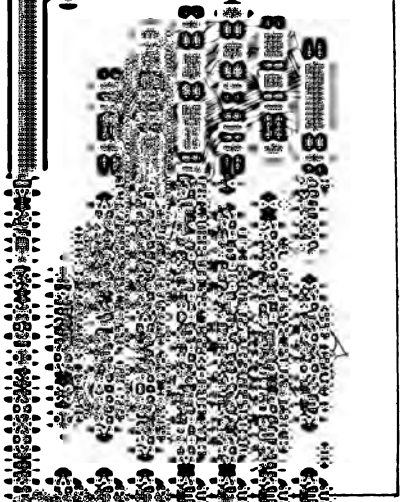
[illegible] плодовъ; [illegible] маленькія [illegible] мухъ.



[illegible] столу.

[illegible] гарема, изо- [illegible] дающихся пре-

[illegible] высокомъ chaise-[illegible] стулѣ царица, [illegible]зают обоихъ, въ [illegible]хая музыка. Это [illegible]браженіе царицы. [illegible]иллербекъ срисо-[illegible] гораздо лучше



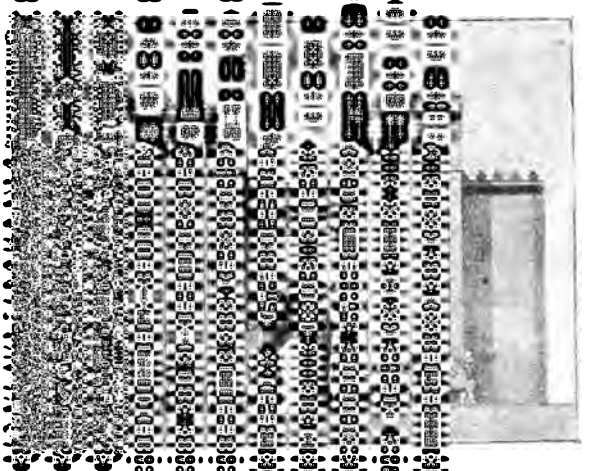
[illegible]ала.

[illegible] для потомства. [illegible]—арійской крови, [illegible]тихъ интересныхъ [illegible]ичныя сцены изъ [illegible]

[illegible] поминаетъ о про-

[illegible] эту процес-
[illegible], съ молотомъ
[illegible] несутъ изобра-
[illegible] возку тяжестей
[illegible] емъ техниче-
[illegible]

[illegible] тектуры намъ
[illegible] при раскопкахъ



[illegible] та.

[illegible] колѣпны также
[illegible] озданные этимп
[illegible] примѣръ, мирно
[illegible] зя въ исторіи
[illegible] невіи (рис. 10).
[illegible] зываютъ намъ,
[illegible] высокой ступени
[illegible] назадъ, т. е.

во времена, перенестись въ которыя казалось невозможнымъ самой смѣлой фантазіи. Мы доходимъ до того не индо-европейскаго и не семитскаго народа— сумерійцевъ, который является творцомъ вавилонской культуры. Прекрасно сохранившаяся голова сумерійскаго жреца, хранящаяся въ Берлинскомъ музеѣ, навѣрно можетъ считаться благородной представительницей человѣческаго рода на зарѣ исторіи.

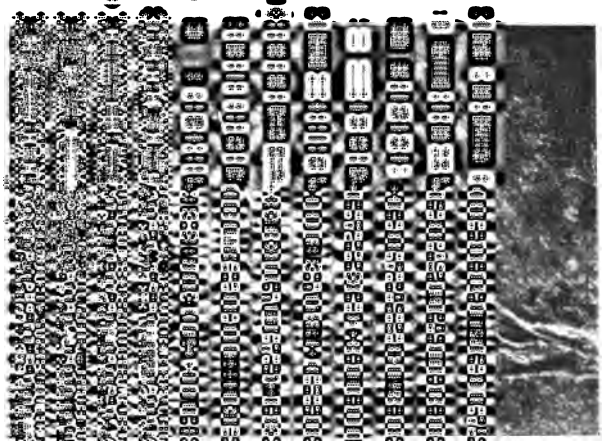
Все это однако мелочи, сразу теряющія свое значеніе передъ другими болѣе важными результатами ассирійскихъ раскопокъ.

Я не говорю уже о томъ, что ассиро-вавилонское лѣтосчисленіе, основанное на строго астрономическихъ принципахъ — на наблюденіи солнечныхъ затменій и т. д.,—даетъ намъ возможность сгруппировать хронологически строго научнымъ образомъ многія событія, переданныя въ Книгѣ Царствъ. Эта возможность пріобрѣла еще большее значеніе съ тѣхъ поръ, какъ Робертсонъ Смитъ и Вильгаузенъ доказали, что ветхозавѣтное лѣтосчисленіе пріурочено къ системѣ святыхъ чиселъ: 480 лѣтъ отъ исхода сыновъ Израиля изъ Египта до основанія храма и другія 480 лѣтъ отъ основанія храма до конца изгнанія.

Насколько важно — при очень близкомъ родствѣ вавилонскаго и еврейскаго языковъ и огромномъ размѣрѣ вавилонской литературы—изученіе клинообразныхъ надписей для лучшаго пониманія текста ветхозавѣтныхъ книгъ, показываетъ слѣдующій примѣръ.

«Да призритъ Господь свѣтлымъ лицомъ Своимъ!» Какъ много разъ слышали мы это благословеніе (Числъ VI, 24 и сл.). Но только теперь удалось понять все глубокое значеніе этихъ словъ, послѣ того какъ

[illegible] мо доказало [illegible] нибудь или [illegible] требляемыя [illegible] на человѣка [illegible]! Это пожелание [illegible] милости и, [illegible] ся словами



[illegible] ымъ привѣ-

[illegible] ами!»

Но и важное значеніе, которое играетъ вавилонская литература при толкованіи текста Библіи, блѣднѣетъ передъ нижеслѣдующими соображеніями.

Археологическія изслѣдованія на Тигрѣ и Евфратѣ доказали намъ, что на Вавилонской равнинѣ, — отъ природы въ высшей степени плодородной, но благодаря человѣческой энергіи превращенной въ цвѣтущую оранжерею — уже около 2250 г. до Р. Хр. существовало государство, культурное развитіе котораго не уступало развитію нашихъ средневѣковыхъ государствъ.

Послѣ того какъ Гамураби удалось прогнать изъ страны непримиримыхъ враговъ вавилонянъ—еламитовъ и соединить югъ и сѣверъ страны въ единое государство, для котораго Вавилонъ являлся политическимъ и религіознымъ центромъ, онъ прежде всего позаботился о созданіи общаго для всей страны права и составилъ сводъ законовъ, нормировавшихъ гражданское право во всѣхъ его отрасляхъ. Отношенія хозяина къ рабу или наемнику, купца къ приказчику, землевладѣльца къ арендатору точно опредѣляются этими законами. Такъ, напр., по этимъ законамъ приказчикъ, отдающій хозяину деньги за проданные товары, обязанъ брать у него квитанцію; въ случаѣ убытковъ отъ непогоды или дикихъ звѣрей предусматриваются уступки. Регулируются также права рыбной ловли въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ одному и тому же каналу, и т. д. Изъ писемъ Гамураби къ Син-Идиннаму видно, что царь получаетъ свѣдѣнія о всѣхъ болѣе важныхъ судебныхъ дѣлахъ и заботится о самомъ тщательномъ отправленіи правосудія, равно какъ о порядкѣ и неустанной дѣятельности во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ управленія.

Въ Вавилонѣ находился верховный судъ, разсмотрѣнію котораго подлежали всѣ трудныя и спорныя дѣла.

Каждый мужчина обязанъ былъ отбывать воинскую повинность, хотя Гамураби и дѣлаетъ исключенія для древнихъ жреческихъ родовъ или освобождаетъ отъ нея, въ интересахъ скотоводства, пастуховъ.

Мы узнаемъ также о чеканкѣ монеты въ Вавилонѣ, а весьма часто встрѣчающіяся курсивныя надписи указываютъ на широкое распространеніе письма. Дѣйствительно, до нашихъ дней дошли въ большомъ количествѣ письма того времени, касающіяся самыхъ обыденныхъ интересовъ жизни. Вотъ, напримѣръ, письмо жены, извѣщающей находящагося въ дорогѣ мужа, что дѣти здоровы; письмо мальчика, сообщающаго отцу, что такой-то его жестоко обидѣлъ, и что онъ отомститъ обидчику, но хочетъ сначала услышать совѣтъ отца по этому поводу; письмо юноши, въ которомъ онъ проситъ отца прислать ему давно обѣщанныя деньги, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что онъ тогда опять будетъ въ состояніи молиться за него.

Все это указываетъ намъ на образцовое состояніе почты и дорогъ въ Ассиріи и на то, что улицы, каналы и мосты были въ хорошемъ состояніи даже далеко за предѣлами Вавилона.

Торговля и промышленность, скотоводство и земледѣліе — все процвѣтало въ этой странѣ, а науки, какъ напр. геометрія и математика и особенно астрономія, достигли такого высокаго развитія, которое еще и теперь приводитъ въ изумленіе современныхъ ученыхъ. Не говоря уже о Парижѣ, даже Римъ едва ли можетъ сравниться съ Вавилономъ по тому вліянію,

которое этотъ послѣдній оказывалъ въ теченіе двухъ тысячелѣтій на весь міръ.

Ветхозавѣтные пророки съ негодованіемъ говорятъ о всепокоряющемъ могуществѣ Вавилона временъ Навуходоносора. «Вавилонъ былъ золотою чашею въ рукѣ Господа, опьянявшею всю землю», говоритъ Іеремія (LI, 7). Даже въ Апокалипсисѣ чувствуется еще полное негодованія воспоминаніе о великомъ Вавилонѣ, этомъ богатомъ, веселомъ городѣ, центрѣ торговли и искусства, «матери блудницъ и всякихъ мерзостей земли».

Такимъ центромъ культуры, науки и литературы, «мозгомъ» передней Азіи, всепокоряющей державой, Вавилонъ былъ уже въ концѣ третьяго тысячелѣтія.

Зимой 1887 г. египетскіе феллахи, производя раскопки между Ѳивами и Мемфисомъ, въ развалинахъ Эль-Амарна, бывшей резиденціи Аменофиса IV, нашли тамъ около 300 глиняныхъ табличекъ всевозможной величины и формы. Какъ теперь установлено, это были письма вавилонскихъ, месопотамскихъ и ассирійскихъ царей къ фараонамъ Аменофису III и IV, а также письма египетскихъ намѣстниковъ изъ большихъ ханаанскихъ городовъ, какъ Тиръ, Сидонъ, Акка, Аскалонъ, къ египетскому двору, написанныя еще до переселенія израильтянъ въ землю обѣтованную. Эта находка глиняныхъ таблицъ въ Эль-Амарна, какъ огромный электрическій прожекторъ, бросила полосу свѣта во мракъ, покрывавшій до тѣхъ поръ исторію странъ, лежавшихъ по берегу Средиземнаго моря, и въ особенности Ханаана, его политическое и экономическое развитіе въ 1500 г.—1400 г. до Р. Хр.

И уже тотъ фактъ, что эти вельможи Ханаана и

даже Кипра пользовались вавилонскимъ языкомъ и письмомъ, писали, какъ и вавилоняне, на глиняныхъ таблицахъ, и что, такимъ образомъ, вавилонскій языкъ былъ офиціальнымъ дипломатическимъ языкомъ отъ Евфрата до Нила, свидѣтельствуетъ намъ о всепокоряющемъ вліяніи вавилонской культуры и литературы между 2200 и 1400 гг. до Р. Хр.

Когда 12 колѣнъ израильскихъ вторглись въ Ханаанъ, они попали въ страну, гдѣ всецѣло господствовала вавилонская культура. Мелкая, но очень характерная черта: при завоеваніи и разграбленіи перваго ханаанскаго города, Іерихона, вавилонское платье возбудило алчность Ахана (Іисусъ Навинъ, VII, 21).

Но не только промышленность — торговля, право, наука вавилонянъ оказывали свое вліяніе на эту страну. Отсюда понятно, почему ветхозавѣтная система монетъ, мѣръ, вѣсовъ, даже внѣшняя форма законовъ: «если кто-нибудь сдѣлаетъ то-то и то-то, то пусть онъ...» — вполнѣ сходны съ вавилонскими.

И если принять во вниманіе, какое сильное вліяніе оказалъ Вавилонъ на организацію жертвеннаго культа и священства у израильскаго народа, то намъ невольно бросится въ глаза тотъ фактъ, что израильскія преданія не содержатъ опредѣленныхъ указаній на происхожденіе субботняго дня (Исх., XX, 11 и Второз. V, 15).

Вавилонскія раскопки дали намъ возможность твердо установить слѣдующіе факты: 1) что ассировавилоняне также имѣли «день субботній»; 2) что этотъ день считался у нихъ днемъ «примиренія съ богами», и 3) что, подобно еврейской ŝ'abbath, ассировавилонское слово ŝ'abbatu также означаетъ «прекра-

щеніе работы», «праздникъ». Мы знаемъ также, что этотъ день назывался у нихъ «день бога»—и совершенно то же встрѣчаемъ мы въ Ветхомъ Завѣтѣ, гдѣ излюбленнымъ выраженіемъ въ устахъ Іеговы являются слова: «моя суббота». Въ найденномъ вавилонскомъ календарѣ, содержащемъ указанія относительно жертвоприношеній и праздниковъ, 7, 14, 21 и 28 дни каждаго мѣсяца обозначены, какъ дни, въ которые «пастухъ великихъ народовъ» не долженъ ѣсть жаренаго мяса, мѣнять одежду, приносить жертву, не долженъ садиться въ колесницу, производить судъ, волхвы не должны предсказывать и даже врачъ не долженъ касаться больного. Короче сказать — это были дни, неблагопріятные для всякаго рода начинаній.

Отсюда, кажется, ясно, что благословеннымъ воскреснымъ отдыхомъ мы обязаны въ концѣ концовъ этому древнему народу, жившему на берегахъ Тигра и Евфрата.

Но даже болѣе того. Берлинскій музей хранитъ еще болѣе драгоцѣнное сокровище, именно глиняную табличку, содержащую вавилонскую легенду о томъ, какъ человѣкъ лишился безсмертія.

Мѣсто, гдѣ была найдена эта табличка,—Эль-Амарна, — а также множество разсѣянныхъ по табличкѣ точекъ, сдѣланныхъ красными египетскими чернилами — доказательство, какъ старались египетскіе ученые облегчить себѣ пониманіе незнакомаго текста— говорятъ намъ, насколько тщательно уже въ то далекое время изучались произведенія вавилонской литературы къ югу отъ Вавилона вплоть до страны фараоновъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что подобное изученіе могло имѣть мѣсто и въ Палестинѣ, и что та-

кимъ образомъ цѣлый рядъ библейскихъ разсказовъ является теперь на свѣтъ изъ мрака вавилонскихъ холмовъ въ своей первоначальной формѣ. Вавилоняне дѣлили свою исторію на два большихъ періода: до потопа и послѣ потопа. Вавилонія была дѣйствительно страной потоповъ и, какъ всѣ вообще низменныя мѣстности, лежащія при устьяхъ впадающихъ въ море большихъ рѣкъ, нерѣдко подвергалась затопленію, вслѣдствіе страшныхъ водяныхъ циклоновъ и ураганов, сопровождавшихся землетрясеніями и ливнями. Вспомнимъ только, что еще въ 1876 г. подобный циклонъ съ такой силой обрушился на устье Ганга, что сломалъ мачты кораблей, стоявшихъ на разстояніи 300 килом. отъ берега, и что огромная волна, впитавшая въ себя еще прибрежныя воды, залила въ короткое время пространство въ 141 кв. геогр. милю на 45 фут. въ вышину. 215.000 человѣкъ утонуло, пока, наконецъ, страшный потокъ не разбился о вышерасположенныя мѣстности.

Можно себѣ представить, какой ужасной катастрофой былъ подобный циклонъ въ тѣ далекія времена для вавилонской земли.

Знаменитый вѣнскій геологъ, Эд. Зюссъ, нашелъ на одной табличкѣ изъ библіотеки Сарданапала въ Ниневіи, написанной за 2000 лѣтъ до Р. Хр., разсказъ о потопѣ, весьма сходномъ съ только что описаннымъ циклономъ 1876 г.

Море играетъ въ этомъ разсказѣ главную роль, и потому корабль вавилонскаго Ноя, Ксисутра, былъ выброшенъ на отроги Армяно-Мидійскаго хребта; но въ остальномъ этотъ разсказъ повторяетъ хорошо всѣмъ извѣстныя подробности всемірнаго потопа.

Ксисутръ получаетъ отъ бога морей приказаніе построить извѣстной величины корабль, тщательно просмолить его и помѣстить туда свою семью и всякихъ живыхъ тварей. Исполнивъ все это, Ксисутръ наглухо задѣлываетъ входъ, и корабль носится по заливающей весь міръ пучинѣ, пока, наконецъ, не останавливается на горѣ Низиръ. Далѣе слѣдуетъ знаменитое мѣсто: «На седьмой день я выпустилъ голубя; голубь полеталъ взадъ и впередъ, но, не найдя, гдѣ бы онъ могъ сѣсть, вернулся обратно». Мы читаемъ далѣе, какъ Ксисутръ выпустилъ ласточку, но она также прилетѣла обратно; наконецъ былъ выпущенъ воронъ, который замѣтилъ, что вода убываетъ, и уже не вернулся на корабль. Затѣмъ Ксисутръ покидаетъ судно и на вершинѣ горы приноситъ благодарственную жертву, пріятный запахъ который обоняли боги, и т. д.

Весь этотъ разсказъ въ той формѣ, какъ онъ здѣсь переданъ, перешелъ въ Ханаанъ. Но при коренномъ различіи почвы Вавилона и Ханаана, важная роль моря потеряла свое значеніе, почему мы и находимъ въ Библіи два разсказа о потопѣ, которые не только представляютъ его совершенно невѣроятнымъ съ естественной точки зрѣнія, но и вполнѣ противорѣчатъ одинъ другому. При этомъ одинъ разсказъ исчисляетъ продолжительность потопа въ 365 дней, другой въ $40+(3\times7)=61$ день.

Мысль, что въ Библіи переработаны въ одно два совершенно различныхъ разсказа, впервые была высказана глубоко-вѣрующимъ католикомъ, лейбъ-хирургомъ Людовика XIV, Жаномъ Аструкомъ, который въ 1753 г. впервые, какъ выразился Гёте, «про-

извелъ надъ Пятикнижіемъ операцію съ помощью ножа и зонда» и далъ первый толчокъ критическому анализу его, т. е. изслѣдованію тѣхъ различныхъ источниковъ, изъ которыхъ образовались пять книгъ Моисея.

Что Пятикнижіе Моисея имѣетъ нѣсколько различныхъ источниковъ, этотъ фактъ является неопровержимымъ съ научной точки зрѣнія, какъ бы ни старались люди по ту и другую сторону океана закрывать на него глаза. Если же мы вспомнимъ, что даже такіе умы, какъ Лютеръ и Меланхтонъ, весьма неодобрительно отнеслись къ міровой системѣ Коперника, то намъ станетъ ясно, что подобный правильный взглядъ на происхожденіе Пятикнижія лишь весьма медленно проложитъ себѣ путь въ умахъ людей.

Десять вавилонскихъ властителей, царствовавшихъ до потопа, перешли въ Библію подъ видомъ десяти допотопныхъ праотцевъ.

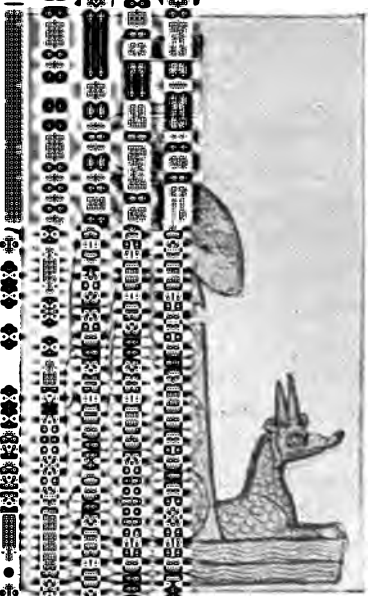
Кромѣ вавилонскаго эпоса о Гильгамешѣ, одиннадцатая табличка котораго и заключаетъ въ себѣ описаніе потопа, мы имѣемъ еще другой прекрасный образчикъ вавилонской поэзіи: поэму о сотвореніи міра. Согласно этой поэмѣ, до начала мірозданія находилась въ непрерывномъ движеніи темная хаотическая матерія—Тіаматъ. Когда боги задумали создать правильно устроенную вселенную, Тіаматъ, представляемая по большей части въ видѣ дракона, но также и въ видѣ семиглаваго змѣя, пылая яростью, встаетъ на борьбу съ богами, раждаетъ изъ себя всевозможныхъ чудовищъ, главнымъ образомъ огромныхъ ядовитыхъ змѣй, и вмѣстѣ съ ними, рыча и фыркая, вооружается на бой.

Всѣ боги дрожатъ отъ страха, и только Мардукъ, богъ свѣта, утренняго, весенняго солнца, рѣшается на борьбу, подъ условіемъ, что онъ получитъ первенство среди боговъ. Далѣе слѣдуетъ великолѣпная картина: послѣ того какъ Мардукъ раскинулъ на западъ и востокъ, сѣверъ и югъ огромную сѣть, чтобы ни одна частица Тіаматъ, не могла ускользнуть, онъ величественно садится въ блестящемъ вооруженіи въ запряженную четверкой огненныхъ коней колесницу, сопровождаемый восхищенными взглядами окружающихъ его боговъ, и ѣдетъ на встрѣчу дракону съ его свитой и вызываетъ ихъ на бой. Дикимъ ревомъ отвѣчаетъ Тіаматъ; трепетъ пробѣгаетъ по всѣмъ ея членамъ. Она открываетъ какъ можно шире свою пасть, но, прежде чѣмъ ея челюсти могли снова сомкнуться,—Мардукъ пускаетъ въ ея нѣдра страшный вихрь и, схвативъ копье, пронзаетъ ей сердце. Онъ бросаетъ ея трупъ и съ торжествомъ становится на него, въ то время какъ помощниковъ Тіаматъ сажаютъ въ заточеніе.

Затѣмъ Мардукъ разрѣзаетъ Тіаматъ вдоль, какъ рыбу, и создаетъ изъ одной половины небо, изъ другой—землю; создаетъ облака, чтобы они удерживали небесную влагу, помѣщаетъ на небѣ мѣсяцъ, солнце и звѣзды, а на землѣ растенія и животныхъ и, наконецъ, смѣшавъ глину съ божественной кровью, создаетъ первую человѣческую пару.

Такъ какъ Мардукъ считался покровителемъ Вавилона, то легко понять, почему именно этотъ разсказъ получилъ распространеніе въ Ханаанѣ. Ветхозавѣтные пророки и псалмопѣвцы перенесли подвигъ Мардука непосредственно на Іегову и прославили его, какъ того,

[illegible] вы морскихъ [illegible] 1), кто побѣ- [illegible] 13). Слова [illegible] нь, облекись [illegible] ь, какъ въ [illegible] разила Раава,



[illegible] ъ Мардукъ.

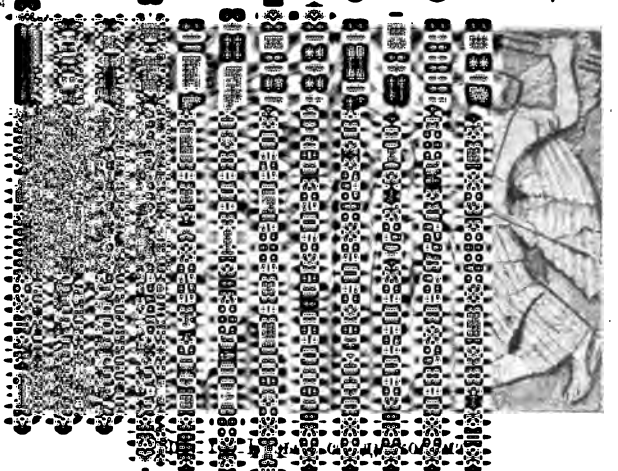
[illegible] ніи всѣ ми- [illegible] дяной хаосъ [illegible] ъ Tehôm (Tia- [illegible] свѣтомъ; по- [illegible] е, мѣсяцъ и [illegible] и, наконецъ, [illegible] ру.

Мы видимъ теперь строгую зависимость между библейскимъ и вавилонскимъ разсказами о сотвореніи міра, и въ то же время напрасны будутъ всѣ попытки согласовать библейскій разсказъ съ данными естественныхъ наукъ.

Интересно, что отклики этой борьбы Мардука съ Тіаматъ можно найти еще въ Апокалипсисѣ, въ видѣ борьбы между архангеломъ Михаиломъ и «звѣремъ преисподней, старымъ змѣемъ, называемымъ діаволомъ и сатаной». Весь этотъ кругъ представленій, къ которому слѣдуетъ причислить также и привезенный крестоносцами разсказъ о рыцарѣ св. Георгіи и его борьбѣ съ дракономъ, исходитъ изъ Вавилона, такъ какъ за много столѣтій до Апокалипсиса и I главы Творенія мы находимъ на стѣнахъ ассирійскихъ дворцовъ прекрасныя изображенія возобновляющейся съ каждымъ новымъ днемъ борьбы между свѣтомъ и мракомъ.

Признаніе этой связи между вавилонскимъ и библейскимъ разсказами пріобрѣтаетъ еще большее значеніе въ виду слѣдующихъ соображеній. Неизгладимо запечатлѣлось въ сердцѣ каждаго человѣка запрещеніе дѣлать другому то, чего не желаешь, чтобы другіе тебѣ дѣлали. «Не проливай крови ближняго твоего, не желай жены его, не присвоивай себѣ одежды его»— эти правила, подсказанныя людямъ инстинктомъ самосохраненія, мы видимъ у вавилонянъ въ той же послѣдовательности, какъ въ заповѣдяхъ Ветхаго Завѣта. Человѣкъ—существо склонное къ общежитію. Поэтому такія требованія гуманности, какъ взаимопомощь, состраданіе, любовь, составляютъ неотъемлемыя свойства человѣческой души. Когда призывали

[illegible] разспраши-
[illegible] нилъ болѣзнь,
[illegible] какъ убій-
[illegible] Можетъ быть
[illegible] или не поз-
[illegible] ?»
[illegible] явленія нрав-
[illegible] правду, ис-
[illegible] священнымъ



[illegible] умая «нѣтъ»,
[illegible] ія. Поэтому
[illegible] какъ и евреи,
[illegible] ловѣдей: право
[illegible] однимъ не-

[illegible] ское человѣче-
[illegible] ть, также счи-

тали наказаніемъ за грѣхи. Какъ въ Библіи, въ Вавилонѣ всевластно царитъ идея грѣховности.

При такихъ условіяхъ понятно, что и вавилонскіе мыслители задумывались надъ вопросомъ, какъ можетъ человѣкъ, созданный по образу и подобію Божію, совершить грѣхъ или умереть. Въ Библіи есть прекрасный, полный глубокаго смысла разсказъ объ искушеніи женщины змѣемъ—опять-таки змѣй! Это вполнѣ соотвѣтствуетъ вавилонскимъ представленіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не естественно, что этотъ змѣй, старый врагъ боговъ, старался отомстить имъ за прежнее пораженіе, отнимая у боговъ свѣта ихъ высшее созданіе? И не объ этомъ ли змѣѣ сказано, что «онъ разрушилъ сосудъ жизни»?

Вопросъ о происхожденіи библейскаго разсказа о грѣхопаденіи является особенно важнымъ для новозавѣтной теологіи, противопоставляющей первому Адаму, черезъ котораго грѣхъ и смерть пришли въ міръ,—второго Адама, искупившаго грѣхи міра. Передъ нами небольшая продолговатая вавилонская печать. Въ серединѣ ея дерево, съ висящими на немъ плодами; направо—мужчина, какъ о томъ можно заключить по рогамъ, символу силы, или, скорѣе, божественности происхожденія, налѣво—женщина; оба простираютъ руки къ плодамъ; за женщиной виденъ змѣй. Не доказываетъ ли это изображеніе связи между вавилонскимъ и библейскимъ разсказами о грѣхопаденіи.

Человѣкъ умираетъ и въ то время, какъ тѣло кладутъ въ могилу, душа его, отдѣлившись, уносится въ страну, «откуда нѣтъ возврата», въ «Cheol», въ адъ—пыльное, темное мѣсто, гдѣ тѣни носятся подобно птицамъ, влача мрачное, безотрадное существованіе;

[illegible] ь, и все, чѣмъ [illegible] ердце, преврати- [illegible] ь неутѣшитель- [illegible] вполнѣ понятно, [illegible] возможно долгая [illegible] лагомъ.

[illegible] удалось открыть [illegible] мощенную боль- [illegible] содержитъ мо-

[illegible] изображенію.

[illegible] щуюся словами: [illegible] нь!»

[illegible] ское представле- [illegible] го радостнѣе, не- [illegible] ой табличкѣ до- [illegible] ывкахъ, поэмы о [illegible] разомъ описана [illegible] ю, тамъ есть ка- [illegible] дназначенное для [illegible] ложахъ и пьютъ

[illegible] илонскихъ гроб- [illegible] ѣ. Въ азіатскомъ

отдѣленіи Берлинскаго музея хранится маленькій глиняный цилиндръ, принадлежавшій, очевидно, къ одной изъ этихъ гробницъ, надпись на которомъ въ трогательныхъ выраженіяхъ умоляетъ нашедшаго гробницу оставить ее на томъ же мѣстѣ, не дѣлая ей никакого вреда. Эта маленькая надпись заканчивается слѣдующимъ пожеланіемъ тому, кто исполнитъ эту просьбу: «да будетъ благословенно его имя на землѣ, а послѣ смерти да будетъ его душа пить чистую воду».

Такимъ образомъ, часть Cheol'а предназначена для праведниковъ, гдѣ они, отдыхая на ложахъ, пьютъ чистую воду. Въ противоположность этому, остальная часть, предназначенная для грѣшниковъ, не только пыльна, но и совершенно безводна или, въ лучшемъ случаѣ, имѣетъ лишь мутную воду; во всякомъ случаѣ, это мѣсто жажды. Въ книгѣ Іова, воззрѣнія котораго вообще во многомъ сходны съ вавилонскими, мы встрѣчаемъ уже противопоставленіе между жаркой, безводной пустыней—обиталищемъ грѣшниковъ — и садомъ со свѣжей, чистой водой, предназначеннымъ въ видѣ награды для праведниковъ. Въ Новомъ Завѣтѣ, страннымъ образомъ связующемъ это воззрѣніе съ послѣднимъ стихомъ книги пророка Исаіи, мы читаемъ объ огненномъ адѣ, гдѣ богатый изнемогаетъ отъ жажды, и осадѣ съ чистой, свѣжей водой, гдѣ находится Лазарь.

Намъ хорошо извѣстно, что сдѣлали съ тѣхъ поръ изъ этого описанія ада поэты, художники, отцы церкви и, наконецъ, Магометъ. Видите ли вы этого бѣднаго мусульманина, брошеннаго въ пустынѣ караваномъ, такъ какъ онъ больше не способенъ переносить

трудности пути? Поставивъ кружку воды около себя, онъ роетъ себѣ въ пескѣ собственными руками неглубокую могилу, покорно ожидая смерти. Его глаза блестятъ: еще нѣсколько минутъ, и въ широко раскрытыхъ дверяхъ рая раздается ему навстрѣчу радостный привѣтъ ангеловъ: «Селямъ алейкюмъ! Ты жилъ праведно, иди же навсегда въ садъ, который Аллахъ пріуготовилъ для вѣрныхъ сыновъ своихъ!» Садъ этотъ равенъ небу и землѣ. Тѣнистый, полный плодовъ, онъ по всѣмъ направленіямъ пересѣкается ручьями и источниками. Тѣнистыя бесѣдки возвышаются на берегахъ райскихъ потоковъ. На лицахъ праведниковъ, полныхъ веселья и счастья, отражается блескъ рая. Зеленыя одежды изъ тончайшаго шелка и парчи покрываютъ ихъ тѣло; руки ихъ украшены золотыми и серебряными браслетами. Они отдыхаютъ на ложахъ съ высокими и мягкими подушками; подъ ногами у нихъ пушистые ковры. Такъ они наслаждаются, сидя другъ противъ друга, за роскошно накрытымъ столомъ, гдѣ есть все, чего они только ни пожелаютъ. Кубокъ, полный вина, идетъ вокругъ стола и, безсмертные, они пьютъ по очереди изъ чаши, наполненной main'омъ, чудной чистой водой, пахнущей инбиремъ и камфарой, изъ источника «Таснимъ», изъ котораго пьютъ архангелы.

Эта вода смѣшивается съ драгоцѣннымъ старымъ виномъ, котораго можно пить сколько угодно, такъ какъ оно не опьяняетъ. И ко всему этому еще райскія гуріи! Дѣвушки съ нѣжной, какъ яйцо страуса, кожей, съ пышной грудью, съ глазами газели, похожими на скрытый въ раковинѣ жемчугъ, съ цѣломудреннымъ, но чарующимъ сердце взоромъ. Каждый

праведникъ можетъ выбрать себѣ 72 изъ этихъ гурій, кромѣ тѣхъ женъ, которыхъ онъ имѣлъ на землѣ, если онъ захочетъ ихъ.

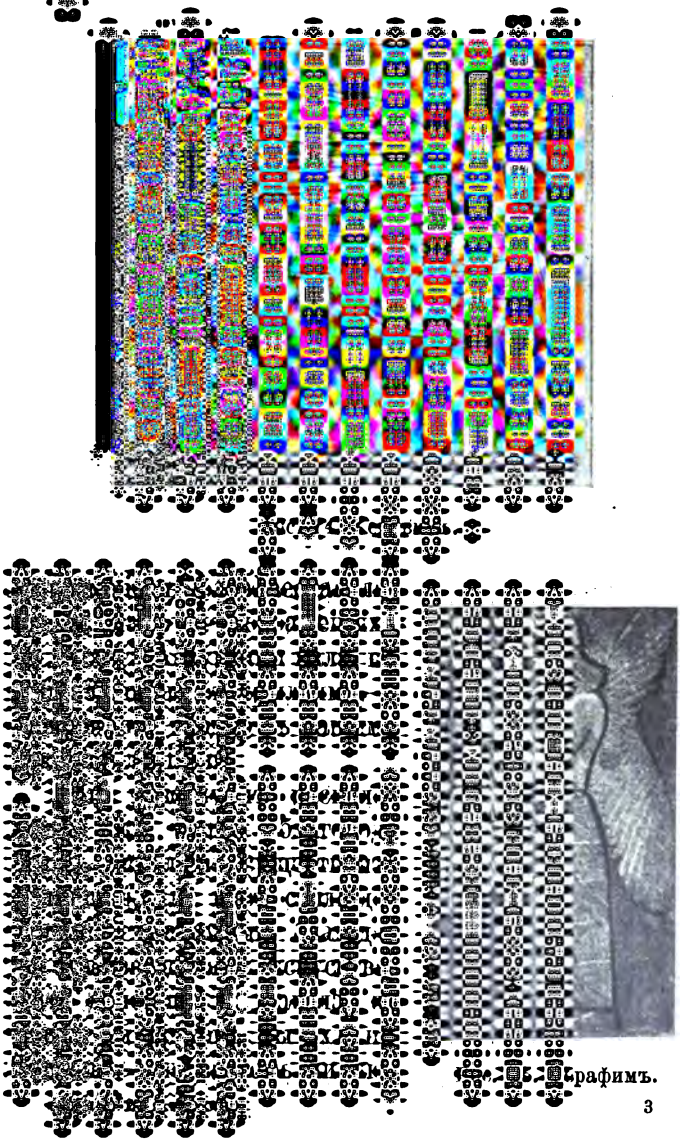
Всякая ненависть и зависть исчезла изъ сердца праведниковъ; ни пустыхъ разговоровъ, ни лжи не слышно въ раю. «Селямъ, селямъ!» раздается вездѣ, и все сливается въ одинъ хоръ: «El-hamdu lillâhi rabbi-l'alamîn — хвала Аллаху, творцу вселенной!»

Таково послѣднее видоизмѣненіе простого вавилонскаго представленія о чистой водѣ, которую пьютъ праведники въ раю. И безчисленные милліоны людей раздѣляютъ донынѣ эти представленія о блаженствѣ рая и мукахъ ада!

Извѣстно также, что идея о вѣстникахъ божества—ангелахъ, о которыхъ вовсе не знали египтяне, чисто вавилонскаго происхожденія, какъ и представленіе о херувимахъ и серафимахъ — ангелахъ-хранителяхъ, сопровождающихъ людей. Разъ вавилонскій царь нуждался въ толпѣ гонцовъ для передачи его приказаній, то, по вавилонскимъ представленіямъ, было вполнѣ естественно, что и боги должны были имѣть легіоны вѣстниковъ или ангеловъ, одаренныхъ человѣческимъ разумомъ, похожихъ съ виду на людей, но имѣющихъ крылья, чтобы пролетать пространство, отдѣляющее боговъ отъ людей.

Эти ангелы обладали кромѣ того проницательностью и быстротой орла, а тѣ изъ нихъ, которые охраняли божество, еще и страшной силой быка и величіемъ льва.

Такъ, ангелы ассиро-вавилонянъ изображаются, подобно ангеламъ въ видѣніи Іезекіиля, то въ видѣ крылатаго херувима съ тѣломъ быка, съ серьезнымъ



Серафимъ.

дей или божества—намъ пора бы давно исключить изъ круга нашихъ представленій, такъ какъ мы вѣдь не исповѣдуемъ древне-персидскаго дуализма.

«Я образую свѣтъ и творю тьму, дѣлаю миръ и произвожу бѣдствія; Я, Господь, дѣлаю все это»,—справедливо учитъ величайшій пророкъ Ветхаго Завѣта (Исаія XLV, 7).

Демоны же или діаволъ, изображенные здѣсь, пусть навсегда погрузятся опять во мракъ вавилонскихъ холмовъ, откуда они вышли.

Викторъ Плассъ во время раскопокъ въ Хорсабадѣ нашелъ кладовыя дворца Саргона: комнату со всевозможной глиняной посудой и другую — съ желѣзными предметами. Въ большомъ порядкѣ тамъ были сложены запасы цѣпей, гвоздей, крановъ, крюковъ и т. д. Желѣзо настолько хорошо сохранилось, что при ударѣ звучало, какъ колоколъ. Многіе изъ этихъ предметовъ были взяты для употребленія арабскими работниками. То, что мы до сихъ поръ считали созданіемъ нашей культуры, оказывается, существовало за много тысячъ лѣтъ до насъ. То же самое явленіе наблюдается и въ духовной области. Если мы различаемъ 12 знаковъ зодіака—всѣхъ этихъ овновъ, тельцовъ, близнецовъ и т. д.; если мы дѣлимъ кругъ на 360 градусовъ, часъ на 60 минутъ и минуту на 60 секундъ, то всѣмъ этимъ мы обязаны ассиро-вавилонской культурѣ, оказывающей этимъ путемъ и донынѣ свое вліяніе на міръ.

Быть можетъ, читатель убѣдился, что и въ нашихъ религіозныхъ представленіяхъ, благодаря Библіи, сохранилось много заимствованнаго изъ Вавилона.

И отъ исключенія этихъ, хотя и созданныхъ высокоодареннымъ народомъ, но все же человѣческихъ представленій, отъ освобожденія нашего мышленія отъ глубоко укоренившихся предразсудковъ нисколько не пострадаетъ ни та религія, которой насъ учили пророки-псалмопѣвцы Ветхаго Завѣта и въ еще болѣе чистомъ видѣ — Іисусъ Христосъ, ни наше религіозное чувство. Даже болѣе того, благодаря этому очистительному процессу, они сдѣлаются еще болѣе искренними и глубокими.

Обратимся теперь къ тому, что придало Библіи всемірно-историческое значеніе—къ монотеизму.

И здѣсь въ самое новѣйшее время раскопки дали намъ самыя неожиданныя указанія. Странно! Никто не можетъ съ увѣренностью сказать, что собственно значитъ наше слово Богъ. Филологи колеблются между понятіями «возбужденіе ужаса» и «совѣщаніе».

Въ противоположность этому, слово, придуманное для обозначенія Бога семитами, не только вполнѣ ясно, но и охватываетъ понятіе божества съ такой всеобъемлющей глубиной, что одно это слово разрушаетъ не только сказку объ «удивительно бѣдныхъ религіознымъ чувствомъ семитахъ», но и столь распространенную современную теорію, доказывающую, что христіанская религія выработалась изъ своего рода фетишизма и анимизма, сходнаго съ наблюдаемымъ у обитателей Огненной Земли.

Въ Коранѣ есть одно прекрасное мѣсто, настолько прекрасное, что Гёте желалъ видѣть его облеченнымъ въ драматическую форму. Именно, Магометъ пытается объяснить, какимъ путемъ религіозное сознаніе Авраама пришло къ монотеизму. Онъ говоритъ: «Когда насту-

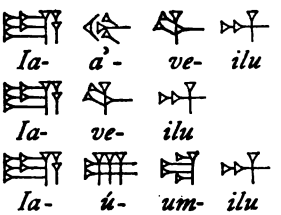
пила темная ночь, Авраамъ вышелъ во мракъ и увидѣлъ, что надъ нимъ сіяла звѣзда. Онъ радостно воскликнулъ: «Это мой Богъ!» Когда же звѣзда стала меркнуть, онъ сказалъ: «Я не люблю блѣднѣющихъ». Когда ясный мѣсяцъ появился на небосклонѣ, Авраамъ воскликнулъ еще болѣе радостный: «Это мой Богъ!» Но когда мѣсяцъ опустился, онъ сказалъ: «Я скоро совсѣмъ потеряюсь». Утромъ засвѣтило яркое солнце. «Вотъ мой Богъ: какъ онъ великъ!» — воскликнулъ Авраамъ. Но солнце сѣло, и Авраамъ сказалъ: «О мой народъ, не нужно мнѣ твоего многобожія; я обращаюсь къ Тому, Кто сотворилъ небо и землю».

Древне-семитское слово, обозначающее понятіе «Богъ» и хорошо намъ знакомое изъ фразы «Eli eli lama azabtani», есть «el» и значитъ—«цѣль».

Существо, къ которому устремляются взоры человѣка, на котораго «человѣкъ взираетъ издали» (Іовъ XXXVI, 25), существо, къ которому человѣкъ простираетъ руки и по которомъ тоскуетъ сердце его въ сознаніи непостоянства и неполноты земной жизни—семиты кочевыхъ племенъ называли el или Богъ. И такъ какъ божество представлялось имъ единымъ, то мы часто встрѣчаемъ у древнихъ семитскихъ племенъ, населявшихъ около 2500 лѣтъ до Р. Хр. сѣверъ Вавилоніи, такія выраженія, какъ: «Богъ далъ», «Богъ со мной», «принадлежащій Богу», «если бы Богъ не былъ моимъ Богомъ» и т. д.

Даже болѣе того. Въ египетско-ассирійскомъ отдѣленіи Британскаго музея находятся три небольшія потрескавшіяся таблички изъ глины. На нихъ лишь съ трудомъ можно разобрать нѣсколько строкъ. Та-

блички эти цѣнны благодаря тому, что позволяютъ съ точностью опредѣлить, къ какому времени они относятся, именно ко времени Гамураби; одна даже къ царствованію его отца — Син-Мубалита. Эти таблички содержатъ три имени, полныхъ, съ точки зрѣнія исторіи религій, самаго жгучаго интереса:



т. е. Jahve есть Богъ. И такъ Jahve — сущій, постоянный (мы имѣемъ основаніе думать, что таково значеніе этого слова), не подверженный измѣненію, существующій внѣ временъ и проявляющій себя въ подчиненной вѣчнымъ законамъ вселенной — этотъ Jahve есть духовное сознаніе тѣхъ кочевыхъ племенъ, изъ которыхъ столѣтія спустя вышли сыны Израиля.

Религія поселившихся въ Ханаанѣ семитовъ вскорѣ погибла подъ вліяніемъ глубоко пустившаго тамъ корни многобожія древнихъ обитателей страны, отнюдь не являющагося, насколько оно касается религіозныхъ представленій, чѣмъ-нибудь несимпатичнымъ. Вавилонскіе боги — это живыя, всезнающія, вездѣсущія существа, внемлющія молитвамъ людей и которыя хотя и сердятся за грѣхи, тѣмъ не менѣе всегда готовы простить людей. Изображенія боговъ въ па-

мятникахъ вавилонскаго искусства, какъ, напримѣръ, изображеніе сидящаго въ своемъ святилищѣ бога солнца изъ Сиппара, далеки отъ всего некрасиваго, неблагороднаго, уродливаго.

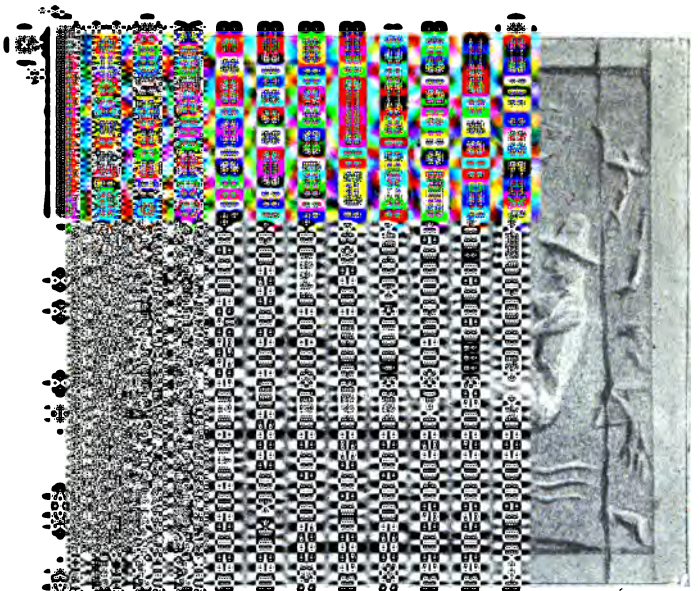
Пророкъ Іезекіиль (гл. I) видитъ Бога, ѣдущаго на живой колесницѣ изъ четырехъ крылатыхъ существъ, съ лицомъ человѣка, льва, быка и орла. Надъ головами этихъ херувимовъ (X, 1) помѣщается кристальная плоскость, а на ней—сапфирный тронъ, гдѣ возсѣдаетъ окруженный блескомъ Богъ, въ образѣ человѣка.

Одна старая вавилонская таблица представляетъ намъ поразительно сходный съ этимъ описаніемъ рисунокъ.

На ней изображенъ странной формы корабль, видны сидящія живыя человѣческія фигуры. Въ серединѣ помѣщаются два обращенныхъ другъ къ другу спиной херувима съ повернутыми къ зрителю человѣческими лицами. Положеніе ихъ позволяетъ заключить, что сзади находятся еще два подобныхъ существа. На спинахъ херувимовъ находится плоскость съ поставленнымъ на ней трономъ, гдѣ сидитъ, съ тіарой на головѣ, бородатое, въ длинной одеждѣ божество, держа въ рукахъ, повидимому, скипетръ и кольцо. За трономъ слуга божества, ожидающій его приказаній и напоминающій того слугу въ льняной одеждѣ, ожидающаго приказаній Божества, о которомъ говоритъ Іезекіиль (IX, 3; X, 2).

Несмотря на все это и на то, что свободные просвѣщенные умы открыто учили, что Нергаль и Небо—богъ мѣсяца и богъ солнца, Рамманъ—богъ грома и всѣ остальные боги соединены въ Мардукѣ,

трехъ тысяче-
рственной ре-
предостереже-
я людей къ ре-
этомъ крѣпко



дѣніи пророка

въ Іегову, при
емъ, соединилъ
же была полна
овъ: наивныхъ
ожество, свой-
ства, языческаго

культа жертвоприношеній и внѣшней обрядности. Она не могла удержать народа временъ, предшествовавшихъ изгнанію, отъ чистаго обращенія къ культу Ваала и Астарты, свойственному кореннымъ жителямъ Ханаана и доходившему до того, что они приносили въ жертву Ваалу своихъ сыновей и дочерей. И это продолжалось до тѣхъ поръ, пока пророки не постигли сущности религіи и не стали проповѣдывать: «Раздирайте сердца ваши, а не одежды ваши» (Іоиль II, 13) или: «Жертва угодная Богу, — сердце сокрушенное и смиренное».

II.

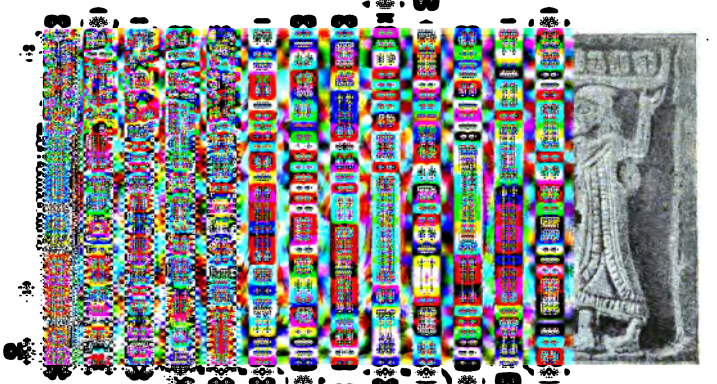
Многіе вѣрующіе люди одностороннимъ отношеніемъ къ вопросамъ догматики отравляютъ себѣ радостное сознаніе той огромной пользы, которую приносятъ вавилонскія раскопки, въ смыслѣ истолкованія и иллюстраціи Библіи; нерѣдко даже вовсе отрицаютъ эту пользу. И все-таки какъ благодарны должны быть всѣ читатели Библіи за тѣ новыя свѣдѣнія, которыя намъ добыли и непрерывно продолжаютъ доставлять трудныя раскопки вавилонскихъ и ассирійскихъ развалинъ.

Библейская Книга Царствъ (4 Цар. XVII, 30) повѣствуетъ, что жители города Куты въ Самаріи почитали бога Нергала. Благодаря клинообразнымъ надписямъ, мы теперь опредѣленно знаемъ не только то, что этотъ вавилонскій городъ Кута лежитъ похороненный подъ холмомъ Тель-Ибрагимъ въ семи часахъ пути къ сѣверу отъ Вавилона, но и то, что богъ-покровитель города Куты дѣйствительно назывался Нергалъ. Развѣ подобное свѣдѣніе не заслуживаетъ благодарности? Другой примѣръ. Еще недавно у насъ не было почти никакой надежды найти когда-либо то мѣстечко Халахъ, куда была переселена часть плѣненныхъ Саргономъ израильтянъ (4 Цар.

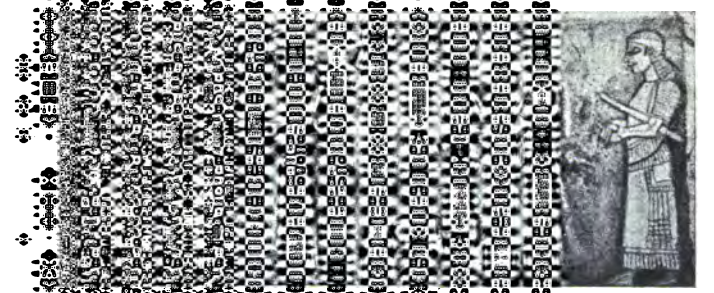
[illegible] насъ есть найденное [illegible] Ниневіи письмо изъ [illegible]рдук-надин-аши, ука- [illegible]рность, проситъ царя [illegible]каренную ему отцомъ [illegible]авлявшую ему 14 лѣтъ [illegible]пропитанія, а теперь [illegible]него намѣстникомъ об-

[illegible]сается жителей сѣвер- [illegible]ва Израиля, изображе- [illegible]къ мы можемъ видѣть [illegible]ряду барельефовъ зна- [illegible]чернаго обелиска Сал- [illegible] II,—на немъ предста- [illegible]лы царя Іиуя (840 л. [illegible] со всевозможными да- [illegible]мы знаемъ теперь всѣ [illegible]чка, гдѣ нашли свою [illegible] колѣнъ Израильскихъ: [illegible]немного восточнѣе го- [illegible]страны верхняго Заба, [illegible]й Arrapachitis; область [illegible]а берегу Хавора, неда- [illegible] Низибисъ, и мѣстечки

[illegible]ставалось загадкой по- [illegible]воеваніи и разграбленіи [illegible]то не могъ объяснить, [illegible]ція слова: «Развѣ ты [illegible], находящагося между [illegible]тораго валъ было море,



[illegible] переселенъ, [illegible] разбиты на [illegible] его бро- [illegible] цѣпями» [illegible] на глиняная



[illegible] Р. Хр.).

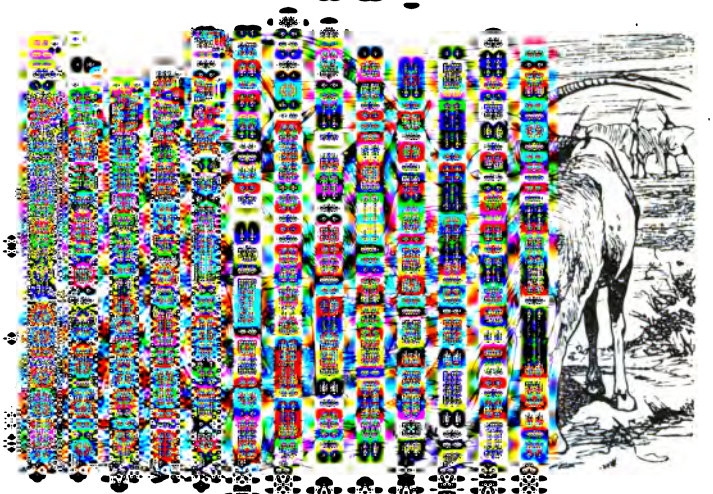
[illegible] столбцѣ [illegible], преслѣдуя [illegible] Ѳивъ. Ограда [illegible] столицу своего

царства, въ видѣ добычи, всѣ сокровища дворцовъ, все золото, серебро и драгоцѣнные камни, а также всѣхъ жителей города, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Развѣ этотъ фактъ не заслуживаетъ вниманія?

«Я вложу кольцо Мое въ ноздри твои и удила Мои—въ ротъ твой, и возвращу тебя назадъ тою же дорогой, которою пришелъ ты», такъ говорилъ Іегова Санхерибу устами прор. Исаіи (4 Цар. XIX, 28; Ис. XXXVII, 29). Могутъ ли эти слова быть иллюстрированы лучше, нежели это дѣлаетъ хранящійся въ Берлинскомъ музеѣ найденный при раскопкахъ въ Зендчирли (Сѣв. Ассирія) памятникъ побѣды Асаргоддона, главный рельефъ котораго изображаетъ великаго ассирійскаго царя во всемъ величіи, а передъ нимъ связанныхъ по рукамъ и ногамъ царей Ваала тирскаго и и Тиртака эѳіопскаго: обоихъ царь держитъ на уздѣ, прикрѣпленной къ ихъ рту при помощи кольца?

А сколько пользы принесли вавилонскіе памятники разъясненіемъ многихъ ветхозавѣтныхъ словъ! Напримѣръ, въ Ветхомъ Завѣтѣ нѣсколько разъ упоминается объ одномъ животномъ, по имени re'em (единорогъ), дикомъ, неукротимомъ, вооруженномъ страшными рогами (Пс. XXI, 22), похожемъ на быка (Пс. XXVII, 6; Второз. XXXIII, 17). Упоминая о немъ и ужасаясь при мысли воспользоваться имъ, какъ домашнимъ животнымъ, для обработки земли, Іовъ восклицаетъ (XXXIX, 9): «Захочетъ ли re'em служить тебѣ и переночуетъ ли у яслей твоихъ? Можешь ли веревкою привязать re'em'а къ бороздѣ и станетъ ли онъ боронить за тобою поле?»

Такъ какъ буйволъ, который водится нынѣ стадами въ лѣсахъ по ту сторону Іордана, лишь срав-

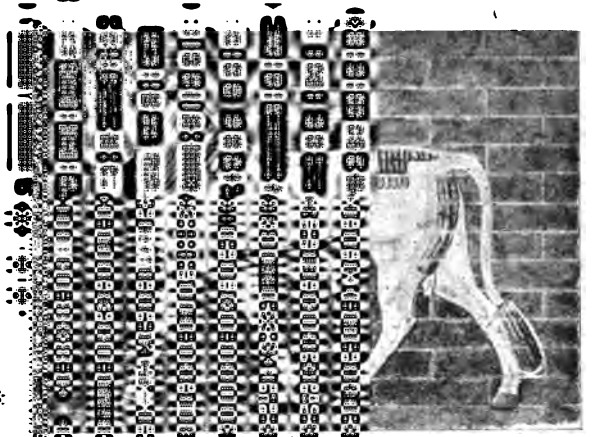


[illegible]

[illegible] распростра- [illegible] то обыкно- [illegible] ющими анти- [illegible] ими по отно-

[illegible] ка (re'em).

[illegible] звaніе rim, что еврей-
[illegible] породу антилопъ. И
[illegible] ранным, какъ могла
[illegible] запречь въ плугъ эту
[illegible] питать ея длинныхъ
[illegible] ся кроткой, граціозной
[illegible] ь съ такимъ страхомъ.



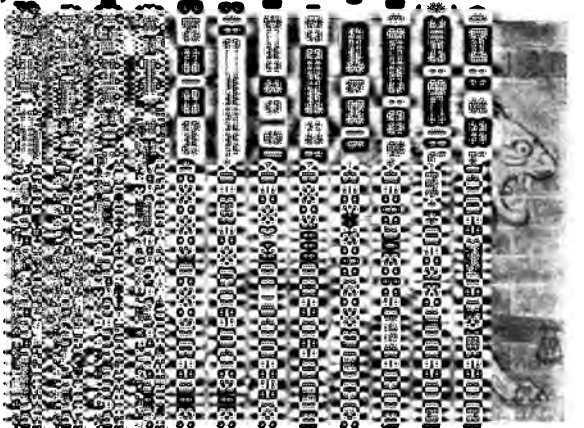
[illegible] ъ (re'em).

[illegible] кусства показали намъ,
[illegible] ій, бѣшено глядящій
[illegible] нутыми рогами, живот-
[illegible] ающееся на вершины
[illegible] ъ, животное страшной
[illegible] ъ же опасная, какъ и
[illegible] любимое удовольствіе
[illegible] ніе въ области Ливан-
[illegible] наго, родственнаго bos

[illegible] ну, научно

[illegible] re'em упо-
[illegible] рбастровые
[illegible] наглядно

[illegible] что онъ
[illegible] рота Вави-



[illegible] Вавилона.

[illegible] были изобра-
[illegible] змѣи. На-
[illegible] Вавилона и
[illegible] инѣ 14 ме-
[illegible] ая вода, со-
[illegible] Германскаго
[illegible]

[illegible] щіе на осѣ-
[illegible] радостно за-

бились сердца изслѣдователей, когда, послѣ долгаго копанья въ землѣ подъ палящими лучами солнца, передъ ихъ взорами внезапно появилась желанная постройка и на одной изъ упомянутыхъ плитъ прочли: «Ворота Истаръ», и мало-по-малу огромныя двойныя ворота Вавилона, обращенныя на сѣверъ тремя величественными башнями, выступили изъ земли въ прекрасно сохранившемся видѣ! И что же? Куда бы ни бросили мы взоръ: на боковыя ли плоскости башенъ или на внутреннія стороны прохода, — все кишитъ рельефными, въ верхнихъ рядахъ пестро эмальированными, изображеніями re'em'a, выдѣляющимися на темно-голубомъ фонѣ поразительно красивыми тонами красокъ.

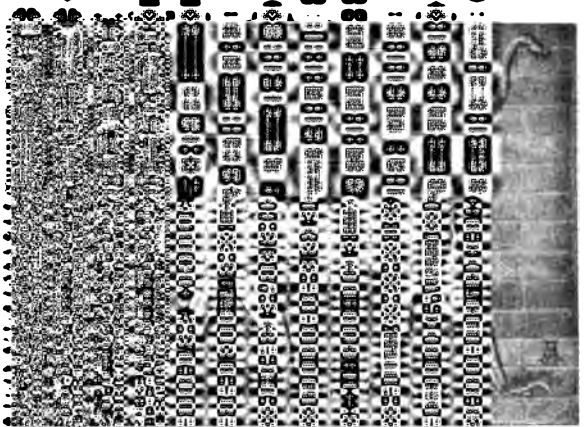
«Полный силы, выступаетъ дикій быкъ крупными шагами. Его голова гордо поднята, рога угрожающе наклонены впередъ, уши прижаты къ головѣ, ноздри раздуты, крѣпко напряжены упругіе мускулы. Все изображеніе вполнѣ сходно съ природой, но облагорожено!» Если гладкая шерсть животнаго бѣлаго цвѣта, то рога и копыта покрыты золотой краской; если шерсть желтая,—копыта и рога малахитоваго цвѣта; кончикъ хвоста въ обоихъ случаяхъ темно-голубой.

Но самое красивое впечатлѣніе производитъ бѣбый re'em, у котораго какъ рога и копыта, такъ и кончикъ хвоста окрашены въ темно-голубой цвѣтъ.

Таковъ re'em по рисункамъ на воротахъ Истаръ, черезъ которыя вела дорога процессій Мардука, re'em, не менѣе прекрасный, чѣмъ всѣмъ извѣстный «левъ Вавилона», украшающій эту дорогу.

Германскому Восточному Обществу удалось найти изображеніе и другого библейскаго сказочнаго звѣря

[illegible] торіи,—изо-
[illegible] вавшихъ во
[illegible] атлѣніе—я
[illegible] янутой впе-
[illegible] домъ идетъ
[illegible] рдолговатой
[illegible] ешуйчатому



[illegible]

[illegible] же время у
[illegible] ру, а заднія
[illegible] На лбу у
[illegible] воста—жало

[illegible] и иллюстра-
[illegible] овѣріе столь
[illegible] мымъ преда-

Встрѣчая въ своихъ изслѣдованіяхъ множество весьма трудныхъ текстовъ, полныхъ рѣдко встрѣчающихся словъ и оборотовъ, ассиріологи понимаютъ, что и въ Ветхомъ Завѣтѣ существуетъ цѣлая масса рѣдко иногда лишь одинъ разъ, встрѣчающихся словъ. Они пробуютъ объяснить ихъ изъ взаимной связи и очень часто труды ихъ вознаграждаются тѣмъ, что они находятъ тѣ же самые слова и фразы въ ассирійскихъ текстахъ.

Они убѣждаются такимъ образомъ, въ какое роковое заблужденіе впадаетъ современная экзегетика, пытаясь растолковать подобныя странныя слова и фразы, коверкая ихъ и очень часто придумывая для нихъ самыя глупыя значенія.

Право, всякій, кто любитъ Ветхій Завѣтъ, долженъ, насколько можетъ, содѣйствовать извлеченію тысячъ глиняныхъ табличекъ и другихъ письменныхъ памятниковъ, лежащихъ погребенными подъ холмами Вавилона, возможно быстрое открытіе которыхъ позволитъ намъ съ еще большей увѣренностью разбираться въ трудныхъ текстахъ библейскаго повѣствованія.

Даже цѣлые разсказы изъ Ветхаго Завѣта являются теперь предъ нами въ новомъ освѣщеніи. Такъ, напримѣръ, съ малыхъ лѣтъ мы усвоиваемъ безсмысленное повѣствованіе о превращеніи царя Навуходоносора въ звѣря. Мы читаемъ въ книгѣ пророка Даніила (Дан. IV, 26—34), какъ этотъ царь Вавилона, расхаживая по царскимъ чертогамъ и любуясь великолѣпіемъ построеннаго имъ города, услышалъ вдругъ съ неба голосъ, предсказывавшій, что онъ будетъ отлученъ отъ людей, будетъ жить вмѣстѣ съ звѣрями, питаясь травой. Такъ и случилось: Навуходо-

носоръ, какъ быкъ, ѣлъ въ пустынѣ траву, «и орошалось тѣло его росою небесною, такъ что волосы у него выросли, какъ у льва, и ногти у него — какъ у птицы». И все же никогда, по крайней мѣрѣ послѣ появленія книги Эбер. Шрадера «О сумасшествіи Навуходоносора», ни одинъ воспитатель юношества не рѣшился передавать этотъ разсказъ, не указавъ на то, что въ болѣе чистой, первоначальной формѣ мы встрѣчаемъ этотъ разсказъ въ одномъ переданномъ Абиденомъ халдейскомъ преданіи. Преданіе это гласитъ, что Навуходоносоръ, достигнувъ вершины своего могущества, взошелъ на царскую башню и, вдохновленный божествомъ, воскликнулъ: «Я, Навуходоносоръ, возвѣщаю вамъ о близкомъ бѣдствіи. Ни Белъ, ни царица Бельтисъ не имѣютъ силы убѣдить богинь судьбы отклонить его. Придетъ Персъ (т. е. Киръ) и обратитъ васъ въ рабство. О, если бы, прежде чѣмъ погибнутъ мои сограждане... онъ былъ прогнанъ въ пустыню, гдѣ нѣтъ ни городовъ, ни даже слѣдовъ человѣческихъ, и онъ блуждалъ бы тамъ въ одиночествѣ среди овраговъ и ущелій, гдѣ бродятъ лишь дикіе звѣри, да проносятся хищныя птицы. А мнѣ... да будетъ въ удѣлъ лучшій конецъ!»

Легко замѣтить, что еврейскій писатель передалъ вавилонское сказаніе, лишь слегка видоизмѣнивъ его; а что истинное содержаніе этого разсказа было ему хорошо извѣстно, это мы можемъ видѣть изъ 16 стиха. То, что Навуходоносоръ желаетъ врагу халдеевъ, составитель собранныхъ въ книгѣ пророка Даніила разсказовъ, полныхъ ошибокъ и неточностей, заставляетъ пережить самого Навуходоносора, чтобы такимъ образомъ наглядно показать своимъ преслѣдуемымъ Ан-

тіохомъ Епифаномъ соотечественникамъ, что Богъ поразилъ Своимъ гнѣвомъ даже столь могущественнаго царя за то, что онъ осмѣлился возстать противъ Іеговы.

Когда мы, наконецъ, научимся различать въ Ветхомъ Завѣтѣ форму отъ внутренняго содержанія?

Двѣ глубокія истины мы можемъ вывести изъ книги пророка Іоны: никто не можетъ уйти отъ Божьяго гнѣва и ни одинъ смертный не въ состояніи знать, насколько велико долготерпѣніе и милосердіе Бога. Но форма, въ которую облечены эти истины, обладаетъ чисто восточной фантастичностью, и если бы мы еще и теперь стали вѣрить, что Іона пѣлъ во чревѣ кита псалмы, часть которыхъ была сочинена лишь нѣсколько столѣтій послѣ гибели Ниневіи, или что царь Ниневіи настолько далеко заходилъ въ своемъ покаяніи, что отдалъ приказъ даже на быковъ и овецъ одѣть вретища,—то мы погрѣшили бы противъ даннаго намъ Богомъ разума. Все это однако мелочи, отступающія на задній планъ передъ болѣе яркими фактами.

О, если бы молодые теологи были знакомы съ странами Востока и не только съ городами, но особенно съ пустыней—съ нравами и обычаями бедуиновъ, нисколько не измѣнившимися съ тѣхъ далекихъ временъ и глубоко проникнутыми своеобразными воззрѣніями и представленіями Востока! Если бы они послушали въ палаткахъ пустыни арабскія сказки или описанія тѣхъ или другихъ случаевъ изъ жизни самихъ бедуиновъ, полныя живой, бьющей ключомъ фантазіи, описанія, часто выходящія изъ границъ дѣйствительной жизни! Имъ открылся бы совершенно

новый міръ, знаніе котораго сдѣлало бы для нихъ болѣе понятными такія чисто восточныя произведенія, какъ Ветхій, а отчасти и Новый Завѣтъ.

Итакъ, если еще и въ наше время Востокъ даетъ ключъ къ пониманію многихъ мѣстъ Библіи, то насколько больше такихъ указаній можетъ дать изученіе старыхъ, во многихъ случаяхъ одновременныхъ съ Ветхимъ Завѣтомъ, произведеній вавилонской и ассирійской литературъ. Какъ много общаго съ Ветхимъ Завѣтомъ у обѣихъ этихъ литературъ, столь родственныхъ ему по языку, стилю, образу мышленія и представленій!

Въ обѣихъ являются святыней число 7, а иногда и 3. «О, земля, земля, земля! слушай слово Господне!» восклицаетъ Іеремія (XXII, 29). «Слава, слава, слава царю, моему господину», начинаютъ многіе ассирійцы свои письма. И какъ серафимы предъ трономъ Бога взываютъ другъ къ другу: «Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ!» (Исаія VI, 3), такъ въ началѣ ассирійскаго богослуженія мы читаемъ три раза повторяющееся слово asûr, т. е. «приносящій святость» или «святой».

«И создалъ Господь Богъ человѣка изъ праха земнаго и вдунулъ въ лице его дыханіе жизни; и сталъ человѣкъ душею живою»—такъ излагаетъ сотвореніе человѣка Бытіе (II,7). Подобное же воззрѣніе встрѣчаемъ мы и въ Вавилонѣ. Человѣкъ созданъ изъ земли (глины), какъ, напримѣръ, эабани созданъ изъ куска обожженной глины (ср. Іова XXXIII,6: «Я образованъ также изъ бренія») и снова возвращается въ землю; но живымъ существомъ человѣкъ дѣлается благодаря дыханію Бога. Во вступленіи одного обращеннаго къ сирійскому царю письма

отправители его называютъ себя «мертвыми псами» (ср. 2 Цар. IX,8), которыхъ царь, ихъ повелитель, оживилъ, «вдунувъ въ ихъ лице дыханіе свое».

Согласно вавилонскимъ взглядамъ, человѣческой слюнѣ присуща въ значительной степени волшебная сила. Слюна и волшебство—тѣсно связанныя между собой понятія, при чемъ слюна обладаетъ въ одно и то же время и оживляющей и умерщвляющей силой. «О Мардукъ», говорится въ одной молитвѣ къ богу-покровителю Вавилона, «о Мардукъ, твоя слюна даруетъ жизнь!»

Кому при этомъ не придетъ на память новозавѣтный разсказъ объ исцѣленіи глухонѣмого, гдѣ повѣствуется, какъ Іисусъ Христосъ отвелъ глухонѣмого въ сторону, вложилъ ему персты въ уши и, «помазавъ бреніемъ глаза слѣпому», сказалъ: «еффаѳа»— отверзись! (Іоан. IX, 6, Марка VII, 34).

По библейскому преданію, Іегова сопровождалъ свой народъ во время пути черезъ пустыню днемъ— въ видѣ столба дыма, а ночью — въ видѣ столба огненнаго.

Подобнымъ же образомъ Ассархаддону, царю Ассиріи, передъ его выступленіемъ въ походъ было пророчество: «Я, Истаръ изъ Арбелы, помѣщу справа отъ тебя дымъ и слѣва зажгу огонь!»

«Сдѣлай завѣщаніе для дома твоего», говоритъ пророкъ Исаія смертельно заболѣвшему царю Езекіи, «ибо умрешь ты и не выздоровѣешь»; а ассирійскій военачальникъ Кудурри, которому царь послалъ своего лейбъ-медика, благодаритъ царя слѣдующими словами: «я былъ мертвъ, но царь, мой господинъ, оживилъ меня!»

Душа пораженнаго смертельной болѣзнью человѣка блуждаетъ уже въ подземномъ мірѣ. Вотъ почему богиня Гула, покровительница врачей, носитъ прозвище «пробуждающая мертвыхъ». Восточный врачъ, который не сумѣлъ бы «пробуждать мертвыхъ»—не настоящій врачъ, по представленіямъ вавилонянъ.

Какъ все одинаково въ Библіи и въ Вавилонѣ!

И тамъ и здѣсь стремленіе символизировать слова, пояснить ихъ дѣйствіями (я напомню лишь о «козлѣ отпущенія», прогнанномъ въ пустыню). У обоихъ одинаковый міръ непрерывныхъ чудесъ и знаменій, постоянное явленіе Божества людямъ во снѣ, одинаково наивныя представленія о Божествѣ: подобно тому, какъ въ Вавилонѣ боги ѣдятъ и пьютъ, предаются отдыху—такъ и Іегова, пользуясь вечерней прохладой, прогуливается въ раю, или наслаждается пріятнымъ запахомъ жертвы Ноя. И какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ Іегова говоритъ съ Моисеемъ, Аарономъ и пророками, такъ и вавилонскіе боги разговариваютъ съ людьми, или непосредственно или черезъ жрецовъ и боговдохновенныхъ пророковъ и пророчицъ.

Откровеніе! Трудно представить себѣ большее заблужденіе человѣческаго ума, нежели то, благодаря которому люди въ теченіе столѣтій продолжаютъ считать собранные въ Ветхомъ Завѣтѣ драгоцѣнные остатки древней письменности во всей ихъ совокупности за религіозный канонъ, священную книгу «откровенія», несмотря на то, что въ немъ есть такія произведенія, какъ книга Іова, подвергающая сомнѣнію въ выраженіяхъ, мѣстами граничащихъ съ богохульствомъ, самое существованіе справедливаго Бога, или такія чисто свѣтскія произведенія, какъ, напримѣръ,

свадебныя пѣсни (такъ называемая «Пѣснь Пѣсней») Соломона.

Въ чудной пѣсни любви (Пс. XLIV, 11, 12) мы читаемъ: «Слыши, дщерь, и смотри и приклони ухо твое и забудь народъ твой и домъ отца твоего. И возжелаетъ Царь красоты твоей, ибо онъ Господь твой, и ты поклонись Ему!»

Можно себѣ представить, что̀ вышло бы, еслибы произведенія и фразы, подобныя этимъ, были истолкованы теологически или даже мессіанскп. Случилось бы то же самое, что съ тѣмъ средневѣковымъ католическимъ монахомъ, который, читая въ своемъ псалтырѣ латинское слово maria—моря — принималъ его за имя Пречистой Дѣвы Маріи и осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Но и остальной части Ветхаго Завѣта всѣ научно образованные теологи, какъ протестантскіе, такъ и католическіе, перестали нынѣ приписывать значеніе «откровенія» въ буквальномъ смыслѣ: къ этому вынуждаетъ множество находящихся въ Ветхомъ Завѣтѣ противорѣчащихъ другъ другу двойныхъ разсказовъ и неразрѣшимая путаница, возникшая во Второзаконіи, благодаря постояннымъ переработкамъ и вставкамъ.

Да, говоря по совѣсти, мы и не заслужили вовсе иного божественнаго откровенія, кромѣ того, которое каждый изъ насъ имѣетъ въ своей совѣсти. Ибо какъ легкомысленно относилось до настоящаго времени человѣчество къ истинному откровенію Бога, къ десяти заповѣдямъ, начертаннымъ на скрижаляхъ завѣта! Сказано: «Не измѣняйте словъ!» — и, несмотря на это, въ маломъ катехизисѣ Лютера вовсе выпущена

вторая заповѣдь: «не сотвори себѣ кумира...» и т. д., а вмѣсто того десятая заповѣдь, именно запрещеніе такъ называемыхъ дурныхъ желаній, раздѣлена на двѣ. Заповѣдь «чти отца твоего и матерь твою» не четвертая, а пятая и т. д.

Хотя въ католическомъ катехизисѣ, который придерживается такого же счета заповѣдей, первая заповѣдь гласитъ гораздо опредѣленнѣе: «Ты не долженъ имѣть другихъ боговъ, кромѣ Меня; ты не долженъ дѣлать изображенія Бога и поклоняться имъ!»—тѣмъ не менѣе дальше сказано: «Изображенія Христа, Божіей Матери и всѣхъ святыхъ все-таки мы дѣлаемъ, такъ какъ мы не молимся имъ, но только почитаемъ», при чемъ упущено изъ вида, что Господь Богъ ясно сказалъ: «Ты не долженъ дѣлать себѣ идоловъ, молиться имъ и почитать ихъ» (ср. также Второзак. IV, 16).

Еще тяжелѣе падаетъ этотъ упрекъ на самого Моисея, если мы станемъ придерживаться твердо буквальнаго содержанія Торы, упрекъ, единодушно раздающійся изъ устъ всѣхъ людей, ищущихъ Бога и стремящихся къ Нему.

Подумать только: Всесильный Богъ, «Всеобъемлющій, Вседержитель, Незримый», самъ Іегова,—«твердыня, котораго дѣла совершенны» (Второзак. XXXII, 4) вѣщаетъ среди грома и молніи изъ огненнаго облака свою святую волю, высѣкаетъ двѣ каменныя доски и пишетъ на нихъ 10 заповѣдей собственной рукой, держащей въ равновѣсіи весь міръ,—а Моисей бросаетъ вѣчныя скрижали вѣчнаго Бога и разбиваетъ ихъ на тысячи кусковъ! И этотъ Богъ пишетъ вторично другія скрижали, представляющія Его первое и послѣднее собственноручное, обращенное къ чело-

вѣчеству, реальное откровеніе, а Моисей не даетъ себѣ даже труда передать своему народу, а черезъ него и всему человѣчеству, слово въ слово то, что̀ Богъ вырѣзалъ на этихъ скрижаляхъ.

Мы, ученые, считаемъ тяжелой виной съ нашей стороны, если кто-нибудь изъ насъ хотя бы съ маленькой неточностью передастъ надпись, сдѣланную какимъ-нибудь пастухомъ, пожелавшимъ увѣковѣчить свое имя на скалахъ Синайскаго полуострова, — а Моисей, подтверждая вторично передъ переходомъ черезъ Іорданъ своему народу 10 заповѣдей, передѣлываетъ не только отдѣльныя слова и фразы, замѣняя ихъ похожими, но измѣняетъ въ нихъ даже цѣлыя мѣста, выдавая ихъ тѣмъ не менѣе за подлинныя слова Бога. Такимъ образомъ мы до сихъ поръ не знаемъ, велѣлъ ли Богъ чтить субботу въ память своего отдыха послѣ шести дней творенія (Исх. XX, 11) или въ воспоминаніе непрерывной принудительной работы народа израильскаго во время его пребыванія въ Египтѣ (Второз. V, 15).

На подобную небрежность по отношенію къ самымъ святымъ завѣтамъ Бога, даннымъ Имъ людямъ, можно пожаловаться и теперь.

Мы ищемъ еще и теперь въ горномъ хребтѣ Синая гору, которая подходила бы ко всему разсказанному въ Библіи, и въ то время, какъ мы весьма подробно учимъ о такихъ сравнительно незначительныхъ вещахъ, какъ, напримѣръ, кольца и желѣзныя полосы отъ ковчега, въ которомъ хранились скрижали завѣта, относительно внѣшняго вида скрижалей мы не знаемъ почти ничего, кромѣ того, что онѣ были исписаны съ обѣихъ сторонъ.

Когда филистимляне захватили ковчегъ завѣта, они увезли его въ храмъ Дагона въ Аздодѣ; на слѣдующее утро изображеніе Дагона оказалось лежащимъ ницъ передъ ковчегомъ завѣта (1 Царствъ V). Когда ковчегъ былъ потомъ перенесенъ въ маленькое пограничное іудейское мѣстечко Веѳсамисъ, и обитатели сбѣжались посмотрѣть на него, 70, а по другимъ разсказамъ 50,000 (!) человѣкъ было поражено смертью (1 Цар. VI, 19). Гнѣвъ Іеговы поражаетъ даже того, кто касается ковчега по ошибкѣ (2 Цар. VI, 6 и 7).

Но какъ скоро мы вступаемъ на почву историческаго времени, всякія свѣдѣнія о ковчегѣ исчезаютъ. Весьма подробно описывается, какъ халдеи увезли сокровища іерусалимскаго храма, всѣ золотые, серебряные и мѣдные сосуды, кружки и чашки (4 Царствъ XXIV, 13; XXV, 13), но о ковчегѣ съ двумя скрижалями Завѣта не говорится ни слова. Храмъ гибнетъ въ пламени, но никто не интересуется вопросомъ объ участи этихъ двухъ чудодѣйственныхъ скрижалей всемогущаго Бога, этой величайшей святыни Ветхаго Завѣта.

Мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ о причинахъ подобнаго умолчанія. Мы хотимъ указать лишь, что критика Пятикнижія снимаетъ съ Моисея упрекъ, падающій на него согласно содержанію Торы. Какъ утверждаетъ, наравнѣ съ другими учеными, Дильманъ («Kommentar zu den Büchern Exodus und Leviticus», стр. 201), пользующійся высокимъ авторитетомъ даже среди католиковъ, — 10 заповѣдей являются передъ нами въ двухъ различныхъ редакціяхъ, происхожденіе которыхъ слѣдуетъ приписать не скрижалямъ, а инымъ источникамъ.

Подобнымъ же образомъ и всѣ остальные такъ называемые законы Моисея дошли до насъ въ двухъ сравнительно болѣе позднихъ, отдѣленныхъ одна отъ другой столѣтіями, редакціяхъ, чѣмъ достаточно легко объясняются всѣ встрѣчающіяся въ нихъ различія. Мы знаемъ также, что эти такъ называемые законы Моисея представляютъ собою постановленія и обычаи, частью уже и до него имѣвшіе силу у сыновъ Израиля, частью же получившіе правовое значеніе послѣ поселенія израильтянъ въ Ханаанѣ. Впослѣдствіи одни были приписаны Моисею и даже—въ видахъ приданія имъ большей святости и ненарушимости—самому Іеговѣ, какъ высшему законодателю. Подобное же явленіе мы можемъ наблюдать и у другихъ древнихъ народовъ,—вспомнимъ лишь законодательства Ману и Вавилона.

Мы указали, что уже около 2500 лѣтъ до Р. Хр. мы находимъ въ Вавилонѣ высоко-развитое правовое государство, и упоминали о большомъ сводѣ законовъ Гамураби, регулировавшихъ гражданское право во всѣхъ его отрасляхъ. Мы имѣемъ нынѣ оригиналъ этого свода, представляющій для науки, особенно исторіи культуры и сравнительнаго правовѣдѣнія, сокровище громадной цѣнности.

На рубежѣ 1901 и 1902 гг. французскій археологъ де-Морганъ и доминиканскій монахъ Шейль имѣли счастье найти въ развалинахъ акрополя Сузъ обелискъ царя Гамураби въ 2,25 метр. вышины, который, очевидно, былъ увезенъ изъ Вавилона вмѣстѣ съ другой военной добычей и на которомъ самымъ тщательнымъ образомъ вырѣзаны 280 параграфовъ законовъ.

Это, какъ говоритъ самъ царь, — «законы справедливости, которые Гамураби, могущественный и справедливый царь, утвердилъ на пользу и уваженіе слабыхъ и угнетенныхъ, вдовъ и сиротъ».

«Потерпѣвшій», читаемъ мы дальше, «имѣющій тяжбу, пусть прочтетъ этотъ мой письменный памятникъ и внимаетъ моимъ драгоцѣннымъ словамъ; пусть эти законы разъяснятъ ему и рѣшатъ его дѣло! Пусть онъ вздохнетъ легко и скажетъ: Гамураби мой господинъ, онъ истинный отецъ своего народа».

Хотя царь и говоритъ, что онъ, солнце Вавилона, изливающее свой свѣтъ на сѣверъ и югъ своей страны, написалъ эти законы, однако самъ онъ получилъ ихъ отъ бога солнца, высшаго судьи неба и земли, воплощающаго въ себѣ все справедливое. Поэтому величественный обелискъ имѣетъ на вершинѣ прекрасный барельефъ, изображающій Гамураби, получающаго законы отъ Шамаша, высшаго законодателя.

То же случилось и съ законами Моисея. Какъ легко замѣтить человѣческое происхожденіе и характеръ израильскихъ законовъ! Вѣдь никто не станетъ утверждать, что святой Богъ, который собственноручно написалъ на скрижаляхъ завѣта «lô tiqtôl»— «не убій», могъ санкціонировать кровную месть, которая до сихъ поръ, какъ проклятіе, тяготѣетъ надъ народами Востока, въ то время, какъ уже Гамураби «почти совсѣмъ искоренилъ слѣды ея»? Никто не станетъ утверждать, что обрѣзаніе, издавна бывшее въ обычаѣ у египтянъ и арабскихъ бедуиновъ, знакъ какой-то особенной связи Бога съ народомъ Израиля?

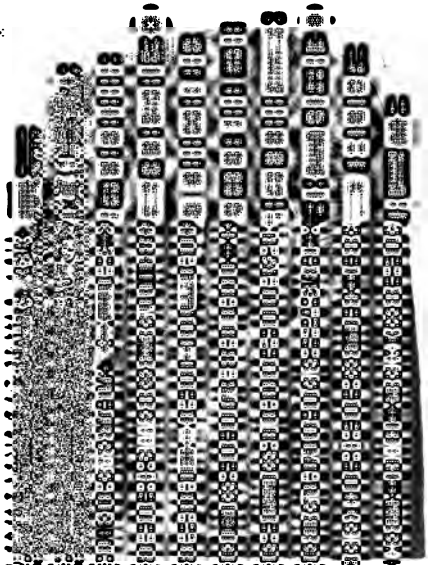
Съ точки зрѣнія восточнаго образа мышленія и оборотовъ рѣчи, мы прекрасно понимаемъ, что поста-

новленія для различныхъ мелкихъ случаевъ обычной жизни (напр. если бодливый быкъ убьетъ человѣка или другого быка), запрещенія кушаній, медицинскія предписанія относительно кожныхъ болѣзней, опредѣленія жреческой одежды—установлены Іеговой; но это лишь внѣшняя форма выраженія. Богъ, для котораго лучшая жертва—«духъ сокрушенный, сердце сокрушенное и смиренное»—и которому не могъ доставить удовольствія жертвенный культъ, сходный съ культомъ «языческихъ» народовъ (Пс. XXXIX, 7), навѣрно не могъ выдумывать рецептовъ елея и ладана, какъ объ этомъ говорится у Моисея (Исх. XXX, 25).

Будущимъ изслѣдователямъ предстоитъ задача опредѣлить, что̀ въ израильскихъ законахъ, гражданскихъ и жреческихъ, спеціально еврейскаго и что̀ обще-семитическаго происхожденія, а также въ какой мѣрѣ они заимствованы изъ гораздо болѣе древняго и, конечно, проникшаго за границы своей страны вавилонскаго законодательства. Вспомнимъ, напримѣръ, о правѣ возмездія—«око за око, зубъ за зубъ», о праздникѣ новолунія, такъ называемыхъ «хлѣбахъ предложенія», о нагрудникахъ первосвященника и т. д.

Пока же мы должны быть благодарны, что въ вавилонской ŝ'abattu, «днѣ κατ' ἐξοχὴν» удалось найти корни «дня субботняго», происхожденіе котораго неясно для самихъ евреевъ. Никто не пытался утверждать, что 10 заповѣдей также заимствованы изъ Вавилона; наоборотъ, неоднократно указывалось, что нѣкоторыя заповѣди, какъ напр. 5, 6, 7, продиктованы присущимъ всѣмъ людямъ инстинктомъ самосохраненія. Въ самомъ дѣлѣ, большая часть заповѣдей такъ же свято исполнялись въ Вавилонѣ, какъ и у евре-

[illegible] свидѣтельство,
[illegible] ность и по
[illegible] ьма строго,
[illegible] третьемъ пара-
[illegible] ь въ тяжбѣ



[illegible] а солнца.

[illegible] не будетъ въ
[illegible] быть нака-
[illegible] емъ подвер-
[illegible] вторая запо-
[illegible] которая при

болѣе близкомъ разсмотрѣніи, повидимому, носитъ анти-вавилонскій характеръ.

Что же касается первой израильской заповѣди: «Я, Господь, Богъ твой... Да не будетъ у тебя другихъ боговъ передъ лицомъ Моимъ» (Исх. XX, 2—4),—то мы позволимъ себѣ здѣсь еще разъ остановиться на одномъ вопросѣ, который такъ глубоко затрогиваетъ всѣхъ интересующихся Библіей и Вавилономъ,—на вопросѣ о ветхозавѣтномъ монотеизмѣ.

Съ точки зрѣнія ветхозавѣтной теологіи понятно, что она, отказавшись единодушно и вполнѣ правильно отъ признанія за ветхозавѣтными преданіями характера «вдохновенія» въ буквальномъ смыслѣ и признавъ тѣмъ самымъ, быть можетъ противъ воли, но вполнѣ послѣдовательно, полную непріемлемость подобнаго толкованія ветхозавѣтныхъ твореній для нашей вѣры и знанія, требуетъ теперь признанія духа, проникающаго ихъ, «божественнымъ» и съ все большимъ единодушіемъ проповѣдуетъ «нравственный монотеизмъ изральтянъ», «духъ пророчества», какъ «истинное откровеніе Бога живого!»

Большое смущеніе вызвали уже упомянутыя нами раньше имена Бога, рисующія его какъ личность, и которыя мы столь часто встрѣчаемъ у переселившихся около 2500 г. до Р. Хр. въ Вавилонъ сѣверныхъ кочевниковъ-семитовъ: «Ель, т. е. Богъ далъ», «Богъ правитъ», «Богъ, воззри на меня», «Богъ есть Богъ, «Jahu (т. е. Іегова) есть Богъ» и т. д.

Трудно понять, чѣмъ вызвана эта тревога. Казалось бы, разъ даже въ Ветхомъ Завѣтѣ Аврааму позволено проповѣдывать отъ имени Іеговы (Бытія XII, 8), разъ Іегова былъ Богомъ Авраама, Исаака и

Іакова, то такія древнія имена, какъ Iahu-ilu, т. е. Іоель, должны быть встрѣчены радостно. Въ особенности тѣмъ теологамъ, которые считаютъ себя позитивистами и допускаютъ, что «всѣ божественныя откровенія развивались постепенно, историческимъ путемъ», становясь такимъ образомъ, по моему мнѣнію, въ противорѣчіе съ церковнымъ ученіемъ объ откровеніи, эти имена какъ разъ бы должны быть очень удобны для подтвержденія ихъ теоріи.

Между тѣмъ многіе изъ теологовъ опасаются, и вполнѣ основательно, что эти имена, которыя болѣе чѣмъ на тысячелѣтіе древнѣе соотвѣтствующихъ именъ Ветхаго Завѣта и которыя указываютъ на почитаніе единаго Бога, по имени Jahu—«вѣчнаго» среди другихъ народовъ, а не только среди потомковъ Авраама, могли бы служить исходнымъ пунктомъ для пониманія историческаго развитія вѣры въ Іегову, но въ то же время и поставить ребромъ вопросъ о признаніи за ней характера «откровенія».

Поэтому стараются, не останавливаясь ни передъ какими средствами, придать этимъ словамъ другое значеніе; но все-таки, даже если бы міръ перевернулся, какъ маякъ во вракѣ ночи, будутъ свѣтить эти выраженія потомковъ сѣверо-семитическихъ бедуиновъ, жившихъ около 2300 л. до Р. Хр.: «Богъ есть Богъ», «Iahu есть Богъ».

Намъ, кажется, слѣдуетъ остерегаться дѣлать крайніе выводы въ ту или другую сторону. Мы постоянно указывали на рѣзко выраженный политеизмъ вавилонянъ и отнюдь не считали нужнымъ скрывать его. Но, съ другой стороны, мы не считаемъ сумерійско-вавилонскій пантеонъ и его изображенія въ поэзіи,

особенно въ народныхъ сказаніяхъ, подходящей цѣлью для мелкихъ остротъ и насмѣшливыхъ преувеличеній, точно такъ же, какъ мы сочли бы непристойной подобную насмѣшку по отношенію къ богамъ Гомера. Также и поклоненіе божеству подъ видомъ идоловъ не можетъ быть никоимъ образомъ защищаемо.

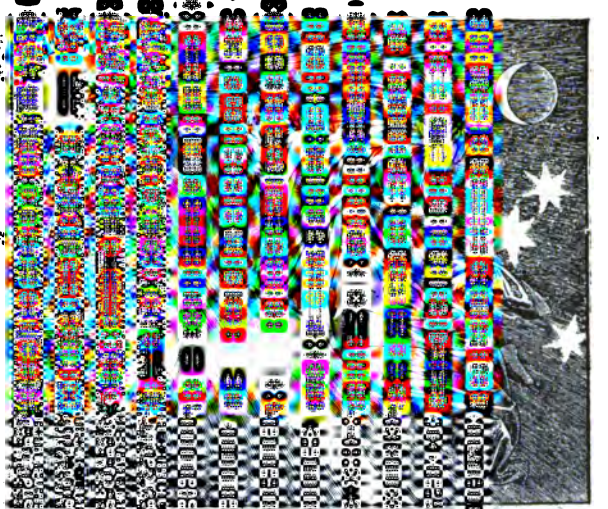
Но пусть никогда не забываютъ, что по библейскому разсказу о сотвореніи міра человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію, что, какъ на то указала уже теологія, прямо противорѣчитъ представленію о Богѣ, какъ «отвлеченной сущности».

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что вавилоняне, наоборотъ, представляли себѣ своихъ боговъ въ образѣ людей.

Ветхозавѣтные пророки дѣлали, по крайней мѣрѣ въ душѣ, то же самое. Совершенно такъ же, какъ вавилоняне и ассиріяне, пророкъ Аввакумъ (гл. III) видитъ Іегову, приближающагося на колесницѣ, запряженной конями, вооруженнаго лукомъ, стрѣлами и копьемъ, и даже съ рогами, символомъ величія, силы и непобѣдимости, обычнымъ украшеніемъ головного убора высшихъ и низшихъ ассиро-вавилонскихъ боговъ.

И изображенія Бога въ христіанскомъ искусствѣ: у Микель-Анджело, Рафаэля, во всѣхъ нашихъ иллюстрированныхъ Библіяхъ—какъ, напримѣръ, картина Ю. Шнорра (стр. 67), изображающая четвертый день творенія—всѣ основываются на видѣніи пророка Даніила (VII, 9), во время котораго Богъ явился Даніилу въ видѣ «старца, въ бѣлыхъ какъ снѣгъ одеждахъ, съ волосами какъ чистая волна».

Постоянныя же насмѣшки ветхозавѣтныхъ пророковъ надъ вавилонскими идолами, которые имѣютъ



[illegible] носъ и не [illegible] не столь же [illegible]

[illegible] нахъ и ста- [illegible] и святыхъ; [illegible] на своихъ [illegible] тва не отно- [illegible] —они отно- [illegible] сего земного [illegible]

[illegible] нъ» могъ бы [illegible] его распро- [illegible] исключить [illegible] время ко-

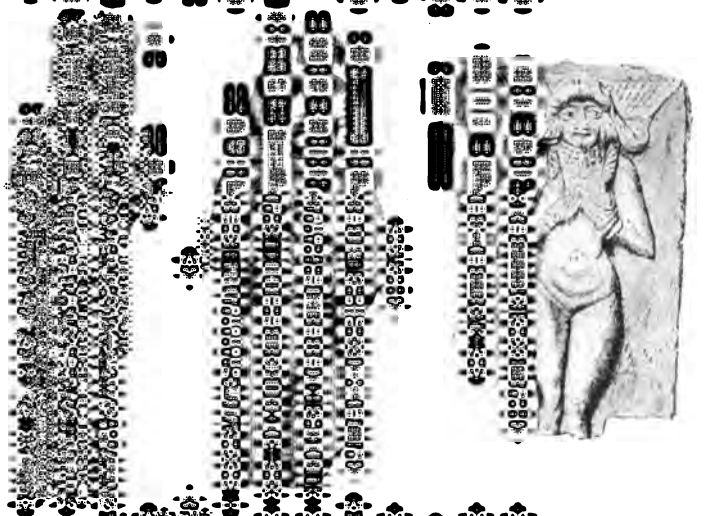
тораго какъ іудеи, такъ и израильтяне, какъ цари, такъ и народъ подпали подъ неотразимое, но легко понятное вліяніе господствовавшаго въ Ханаанѣ политеизма.

Кромѣ того, по нашему мнѣнію, очень опрометчиво поступаютъ тѣ, кто ставитъ нравственный уровень израильтянъ времени «до изгнанія» выше уровня вавилонянъ.

Правда, способъ веденія войны ассиро-вавилонянами былъ въ высшей степени жестокъ, даже порой варварскій. Но и завоеваніе израильтянами Ханаана сопровождалось потоками невинно пролитой крови: взятію «чужеземныхъ большихъ и красивыхъ городовъ, домовъ, полныхъ всякимъ добромъ, виноградниковъ, масличныхъ плантацій» (Второзак. VI, 10) предшествовало «проклятіе» сотенъ мѣстечекъ по ту и другую сторону Іордана, другими словами,—безпощадное избіеніе всѣхъ жителей, не исключая женщинъ и самыхъ маленькихъ дѣтей.

Что же касается распространенія среди царей и народа понятій о справедливости, то постоянныя увѣщанія израильскихъ и іудейскихъ пророковъ, осуждающія насилія надъ бѣдными, вдовами и сиротами, въ связи съ такими разсказами, какъ, напримѣръ, о виноградникѣ Навуѳея (3 Цар. XXI), позволяютъ намъ замѣтить сильную испорченность какъ царей, такъ и народа, въ то время какъ неизмѣнная въ теченіе двухъ тысячелѣтій прочность государства Гамураби позволяетъ вполнѣ примѣнить къ нему слова: «Справедливость возвышаетъ народъ». Надпись на одной изъ найденныхъ въ Вавилонѣ табличекъ въ рѣшительныхъ выраженіяхъ предостерегаетъ самого царя отъ совершенія несправедливыхъ поступковъ.

[illegible] Вавилона и [illegible] ститель неба [illegible] отдастъ ему [illegible] лавѣ о любви [illegible] но, какъ уже [illegible] между вави- [illegible] Ветхозавѣт-



[illegible] Истаръ.

[illegible] онскимъ раз- [illegible] ногобожіемъ, [illegible] орая дѣлаетъ [illegible] сисутръ, кон- [illegible] оре и громко [illegible] ди погибли». [illegible] скій геологъ,

признаетъ, что, благодаря подобнымъ чертамъ, «простой разсказъ Ксисутра носитъ печать удивительной правдивости». О состраданіи Ноя мы ничего не знаемъ.

Вавилонскій Ной обоготворяется вмѣстѣ съ женой—у израильтянъ по отношенію къ женщинѣ мы не можемъ встрѣтить ничего подобнаго.

О паломничествѣ въ Іерусалимъ на праздникъ жатвы сказано (Второзак. XVI, 11): «Веселись передъ Іеговой, Богомъ Твоимъ, ты и сынъ твой и дочь твоя и рабъ твой и раба твоя»,—но гдѣ же жена? Положеніе женщины у израильтянъ уже съ дѣтства было очень незавидное.

Въ Ветхомъ Завѣтѣ мы встрѣчаемъ чуть ли не одно имя дѣвушки, которое означало бы сердечную благодарность Іеговѣ за рожденіе ребенка, тогда какъ мужскія имена весьма часто имѣютъ такое значеніе; всѣ нѣжныя названія дѣвушки, какъ «возлюбленная», «благоухающая», «пчелка», «газель», «мирта», «пальма» и т. д., не могутъ измѣнить, по нашему мнѣнію, этого факта. Женщина является собственностью сначала родителей, затѣмъ мужа; она—цѣнная рабочая сила, на которую послѣ замужества возложена большая часть самыхъ трудныхъ домашнихъ работъ; такъ же, какъ и у мусульманъ, она не имѣетъ права участвовать въ религіозныхъ обрядахъ.

Въ Вавилонѣ женщина находилась въ иномъ, менѣе униженномъ положеніи; мы читаемъ, напримѣръ, въ сочиненіяхъ временъ Гамураби о женщинахъ, которыя присутствовали при богослуженіи въ храмахъ; находимъ на юридическихъ документахъ того времени

имена женщинъ, подписавшихся въ качествѣ свидѣтельницъ, и т. д.

Въ вопросѣ о положеніи женщинъ легче всего замѣтить, какое глубокое вліяніе оказала на Вавилонъ не-семитическая культура сумерійцевъ.

Какъ различны могутъ быть, однако, человѣческія мнѣнія по одному и тому же предмету! Въ то время, какъ Koldewey и другіе высказываютъ удивленіе, что при вавилонскихъ раскопкахъ до сихъ поръ не найдено ни одной неблагопристойной фигуры, одинъ католическій ветхозавѣтникъ утверждаетъ, что «безчисленное количество найденныхъ въ Вавилонѣ статуэтокъ не имѣли другой цѣли, какъ служить выраженіемъ самой грубой, низкой чувственности». Ты, бѣдная богиня рожденія, бѣдная богиня Истаръ! Хотя ты и представляешь теперь для насъ лишь кусокъ глины, ты можешь все же явиться передъ нами съ спокойной совѣстью; я увѣренъ, что ты не вызовешь никакого соблазна, какъ не вызываетъ его въ насъ всѣмъ хорошо извѣстное прекрасное мраморное изображеніе Евы съ ея двумя дѣтьми.

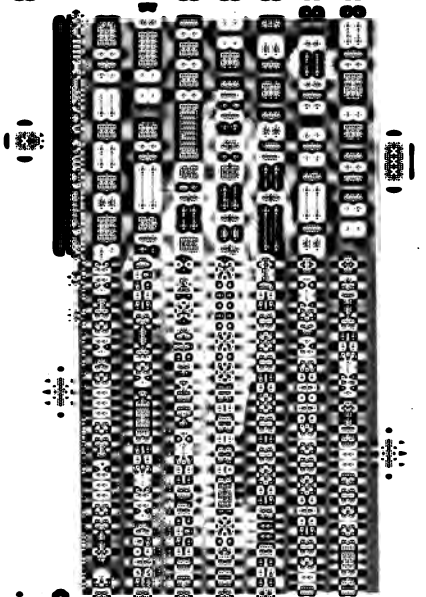
И если другой евангелическій ветхозавѣтникъ, на основаніи одного, далеко еще окончательно не истолкованнаго, мѣста вавилонскаго стихотворенія и восклицаетъ въ негодованіи: «Можно обыскать всѣ уголки передней Азіи и не найти ничего подобнаго», то мы, не будучи въ состояніи похвалиться подобнымъ знаніемъ мѣстности, попросили бы его, прежде чѣмъ бросать камни въ то, что̀ не можетъ умѣститься въ его сознаніи, объяснить намъ, почему наше школьное вѣдомство такъ настойчиво требовало исключенія изъ Библіи нѣкоторыхъ мѣстъ?

Если мы станемъ пользоваться, какъ источниками, дошедшими до насъ памятниками древнееврейской письменности, намъ не удастся установить ни для одного періода исторіи Израиля благодѣтельнаго вліянія его монотеизма. Невозможно даже признать духъ пророчества «дѣйствительнымъ откровеніемъ Бога живого», въ виду присущихъ ему всевозможныхъ чисто человѣческихъ заблужденій и слабостей, и это обстоятельство не позволяетъ, какъ слѣдовало бы, провести опредѣленную грань между человѣческой формой и божественнымъ содержаніемъ пророковъ. Вспомнимъ, напримѣръ, о безчисленныхъ несбывшихся предсказаніяхъ и благовѣщеніяхъ пророковъ, или о многочисленныхъ рѣчахъ ихъ, полныхъ смертельной ненависти ко всѣмъ остальнымъ народамъ,—рѣчахъ, являющихся въ большей части своей лучшими созданіями еврейской риторики; вспомнимъ, главнымъ образомъ, тѣ изъ нихъ, которыхъ не знаютъ другія семитическія и восточныя литературы и которыя,—несмотря на понятность и можетъ быть извинительность ихъ съ чисто человѣческой точки зрѣнія,—слѣдовало бы совершенно исключить, разъ пророчество выставляется, какъ органъ высшаго, очищающаго просвѣтляющаго и оплодотворяющаго духа.

Что касается нравственнаго уровня обоихъ народовъ, мнѣ кажется болѣе важнымъ окончательный выводъ, на который при провозглашеніи «нравственнаго монотеизма израильтянъ», или «духа пророчества», какъ «дѣйствительнаго откровенія Бога живого», не было обращено достаточно вниманія.

Пять разъ въ день, и даже больше, читаетъ правовѣрный мусульманинъ свой «Отче Нашъ», первую суру Корана, заканчивающуюся словами: «веди насъ,

[illegible] надъ кото-
[illegible] твоему гнѣ-
[illegible] христіане).
[illegible] плостью Ал-
[illegible] дъ, молятся



[illegible] велемъ.

[illegible] альные наро-
[illegible] не предопре-
[illegible] же, глубоко
[illegible] ритеръ имѣетъ
[illegible] такъ и послѣ
[illegible] ный Богъ, но
[illegible] янъ; израиль-
[illegible] ые народы—

«гои» или язычники, самимъ Іеговой обреченные на безбожіе и идолопоклонство. Подобный взглядъ, совершенно несовмѣстимый съ нашимъ просвѣтительнымъ пониманіемъ Бога, ясно выраженъ въ слѣдующихъ словахъ (Второзак. IV, 19) — кстати сказать, однимъ ударомъ разсѣивающихъ призракъ «откровенія» — «...дабы ты, взглянувъ на небо и увидѣвъ солнце, луну и звѣзды и все воинство небесное, не прельстился и не поклонился имъ и не служилъ имъ, такъ какъ Господь, Богъ твой, удѣлилъ ихъ всѣмъ народамъ подъ всѣмъ небомъ. А васъ взялъ Господь и вывелъ васъ изъ Египта, дабы вы были народомъ Его удѣла». Такимъ образомъ поклоненіе свѣтиламъ и идоламъ санкціонировано по отношенію ко всѣмъ остальнымъ народамъ самимъ Іеговой. И тѣмъ ужаснѣе приказаніе Іеговы безпощадно уничтожить семь большихъ и сильныхъ народовъ, которыхъ израильтяне встрѣтятъ въ Ханаанѣ, за ихъ безбожіе (Второзак. VII, 16).

«И истребишь всѣ народы, которые Господь, Богъ твой, даетъ тебѣ; да не пощадитъ ихъ глазъ твой».

Этотъ національно обособленный монотеизмъ, который, конечно, не можетъ проявиться въ такихъ отрывкахъ, какъ разсказъ о сотвореніи міра, но которымъ неоспоримо проникнутъ весь Ветхій Завѣтъ, начиная съ Синая: «Я Господь, твой Богъ» до словъ Исаіи: «Утѣшьте, утѣшьте мой народъ» и до пророческихъ словъ Захаріи (VIII, 33): «Такъ говоритъ Господь Саваоѳъ: будутъ въ тѣ дни, возьмутся десять человѣкъ изъ всѣхъ разноязычныхъ народовъ, возьмутся за полу іудея и будутъ говорить: мы пойдемъ съ тобою, ибо мы слышали, что съ вами Богъ» — этотъ моно-

теизмъ, который, по словамъ апостола Павла (Еф. II, 12), въ теченіе тысячелѣтій оставляетъ всѣ остальные народы «безъ надежды» и «безъ Бога въ мірѣ»—едва ли можетъ быть признанъ за «откровеніе» святого и справедливаго Бога! И все же мы еще съ дѣтства настолько находимся подъ вліяніемъ этого преимущества израильтянъ (см. Еф. II, 11), что разсматриваемъ исторію древняго міра съ совершенно неправильной точки зрѣнія, и теперь еще, довольствуясь ролью «духовнаго Израиля», забывая о великихъ историческихъ перемѣнахъ, происшедшихъ въ новозавѣтное время, начиная съ проповѣдей Іоанна Крестителя и Іисуса Христа—о той драматической борьбѣ между іудействомъ, іудейскимъ христіанствомъ и христіанствомъ языческимъ, пока, наконецъ, апостолъ Петръ могъ воскликнуть (Дѣян. X, 34): «Истинно познаю, что Богъ нелицепріятенъ, но во всякомъ народѣ боящійся Его и и поступающій по правдѣ пріятенъ Ему», разрывая этими словами завѣсу, раздѣлявшую восточно-израильское и христіанско-философское міросозерцаніе».

Мы увѣрены, что древне-еврейскія творенія, даже потерявъ характеръ «откровенія» или твореній, проникнутыхъ «духомъ откровенія», все-таки сохранятъ свое значеніе, въ особенности какъ единственный памятникъ великаго, доходящаго до нашего времени, религіозно-историческаго процесса.

Возвышенныя мѣста твореній пророковъ и псалмопѣвцевъ преисполнены живого довѣрія къ Богу и стремленія къ миру въ Богѣ, и, несмотря на ихъ партикуляристическій характеръ, на замѣтное стремленіе ихъ представить Іегову Богомъ однихъ израильтянъ, которое кромѣ того въ значительной степени потеряло свою силу въ нашихъ переводахъ Библіи,

всегда найдутъ живой откликъ въ нашемъ сердцѣ. Такія слова, какъ напримѣръ, пророка Михея (VI, 6—8): «Съ чѣмъ предстать мнѣ предъ Господомъ, преклониться предъ Богомъ небеснымъ? Предстать ли мнѣ предъ нимъ со всесожженіями, съ тельцами однолѣтними? Но возможно ли угодить Господу тысячами овновъ, или неисчетными потоками елея? Развѣ дать ему первенца моего за преступленіе мое и плодъ чрева моего—за грѣхъ души моей? О, человѣкъ! Сказано тебѣ, что̀ добро, и чего требуетъ отъ тебя Богъ: дѣйствовать справедливо, любить дѣла милосердія и смиренномудренно ходить предъ Богомъ твоимъ» — такія, требующія проявленія религіи въ нравственныхъ поступкахъ, слова и нынѣ найдутъ сочувствіе въ душѣ каждаго религіозно-мыслящаго человѣка. Съ другой стороны, не будемъ упорно придерживаться старыхъ, научно опровергнутыхъ догмъ лишь изъ боязни, что можетъ пострадать ваша вѣра въ Бога и истинная религіозность. Вспомнимъ, что все земное находится въ живомъ движеніи, все неподвижное равносильно смерти.

Вспомнимъ ту зиждительную силу, тотъ толчокъ, который дала нѣмецкая реформація всѣмъ народамъ земли къ усиленной работѣ на всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности. Но и реформація—лишь одинъ этапъ на дорогѣ къ поставленной намъ Богомъ и въ Немъ завершающейся цѣли—истинѣ. Къ Нему стремимся мы смиренно, но пользуясь всѣми средствами свободнаго научнаго изслѣдованія, радостно присоединяясь къ замѣченному зоркимъ взглядомъ и горделиво возвѣщенному всему міру лозунгу дальнѣйшаго развитія религіи.

III.

Да будетъ намъ позволено сказать еще нѣсколько словъ о томъ, насколько возстановленные памятники ассиро-вавилонской старины расширили нашъ умственный кругозоръ, какъ глубоко, въ связи съ успѣшными изслѣдованіями Ветхаго Завѣта, измѣнили они нашъ взглядъ на древне-еврейскую литературу, и насколько ярко они, повидимому, въ состояніи освѣтить намъ главнѣйшіе вопросы религіи.

Никто не поставитъ въ упрёкъ такъ называемой «картѣ народовъ» (Бытіе X) ея многочисленныхъ упущеній, ошибокъ и пробѣловъ въ описаніи странъ и народовъ Малой Азіи на пространствѣ между Средиземнымъ и Персидскимъ морями, описаніи, соотвѣтствующемъ ограниченнымъ познаніямъ людей, жившихъ приблизительно около 7-го столѣтія до Р. Хр. И, не умаляя нисколько того факта, что эта «карта» является первой попыткой классификаціи многочисленныхъ племенъ и народовъ, мы невольно вмѣстѣ съ тѣмъ обращаемъ вниманіе на то, что еврейскій писатель, именно Сима, называетъ первенцомъ отца человѣческаго рода, населявшаго землю послѣ потопа. Однако мы не можемъ вѣчно рабски слѣдовать за

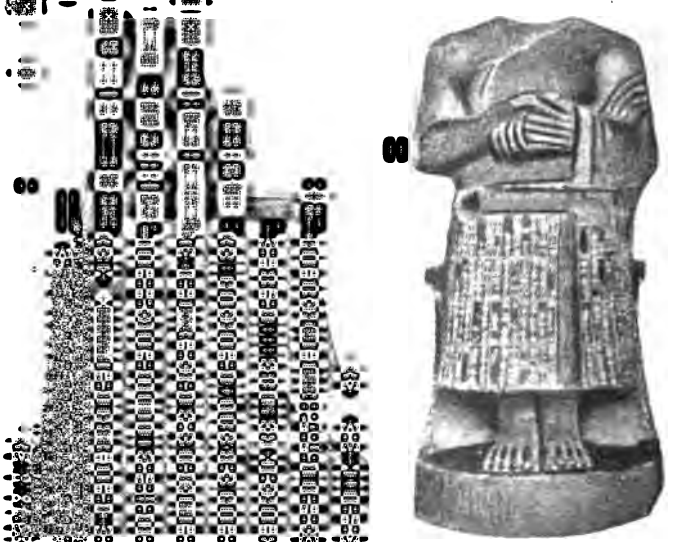
[illegible] не небезпристрастнымъ [illegible] народамъ изложеніемъ [illegible] и должны быть бла- [illegible] ро-Вавилоніи, значи- [illegible] познанія въ области [illegible] нѣйшей исторіи чело- [illegible] ства.

[illegible] тхозавѣтные писатели [illegible] мѣли ни малѣйшаго [illegible] ставленія о всѣхъ на- [illegible] хъ, жившихъ въ Месо- [illegible] ніи ранѣе индогерман- [illegible] (іафетитскихъ) ми- [illegible] евъ или семитовъ. «Кар- [illegible] народовъ» вовсе не упо- [illegible] етъ о не-семитскомъ [illegible] дѣ — еламитахъ — вла- [illegible] ство которыхъ въ 3-мъ [illegible] челѣтіи до Р. Хр. про- [illegible] лось одно время на [illegible] лонію вплоть до Ха- [illegible] а, и неисчерпаемаго мо- [illegible] ства которыхъ не мог- [illegible] сломить даже просла- [illegible] ныя ассирійскія пол- [illegible] дъ совершенно изгла- [illegible] жихъ, такъ и ветхоза- [illegible] ироніи судьбы родина [illegible] — носить сумерійское [illegible] (Rehal) на Сіонѣ, какъ и [illegible] ованы изъ сумерійскаго

[illegible] едъ нашими [illegible] цъ, религія [illegible] намъ и ока- [illegible] религію ха- [illegible] вшій новые [illegible] ь, придать [illegible] характеръ. [illegible] къ третьему [illegible], какъ, на-

[illegible] царя-жреца [illegible] прекрасно [illegible] изъ лаписъ- [illegible] изумленіе, а [illegible] ръ, статуя [illegible] с. 31), мало [illegible] ться передъ [illegible] ика (рис. 32). [illegible] умерійскихъ

[illegible] 4), въ тонко выточен-
[illegible] лаетъ облагораживa-
[illegible] боты, и узнаемъ, что
[illegible] въ основу не только
[illegible] но въ значительной
[illegible] и на нашу культуру,



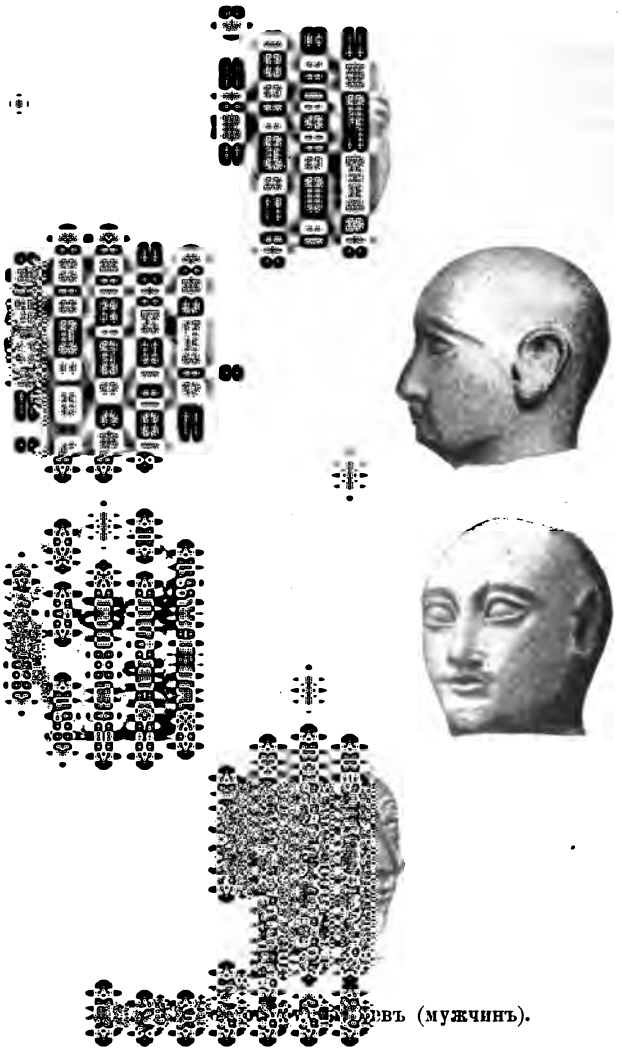
[illegible] а» изъ Теллоха.

[illegible] жнымъ видоизмѣненіе
[illegible] мія древнѣйшей исто-
[illegible] агрессирующей науки,
[illegible] пожертвовать исто-
[illegible]
[illegible] ей основаннаго Набо-
[illegible] а только два имѣютъ

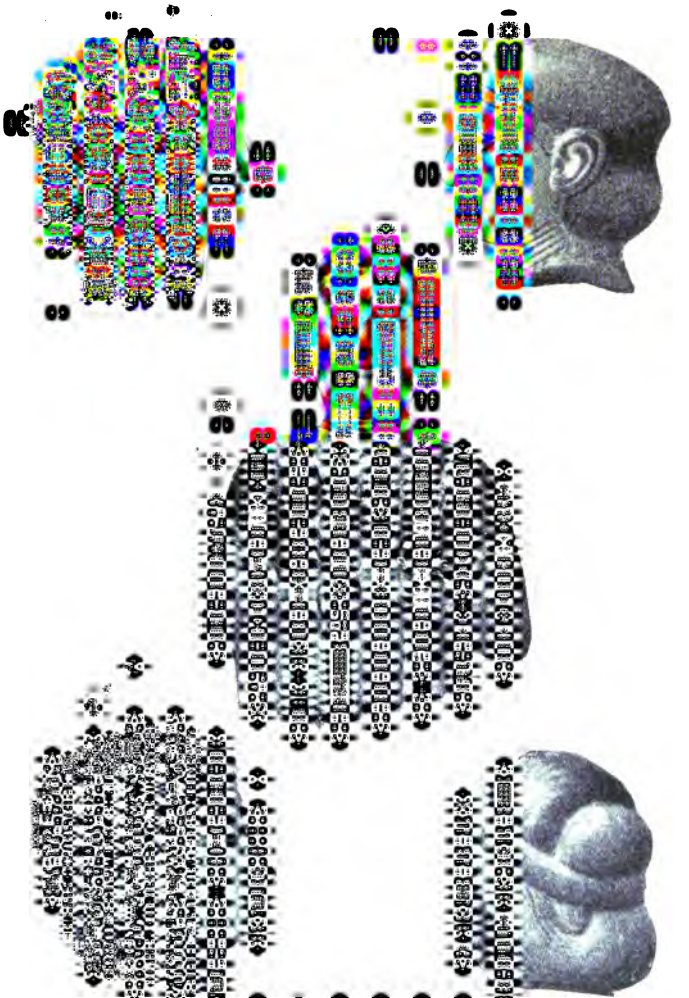
[illegible] соръ, пора-
[illegible] вызывавшій
[illegible] могуществу,
[illegible] ный Набу-
[illegible] реванъ Ки-
[illegible] изъ плѣна.
[illegible] въ воспоми-

[illegible] тектора».

[illegible] я, тѣмъ все
[illegible] ъ его сынъ,
[illegible] дитель хал-
[illegible] персовъ; въ
[illegible] шибочно за-
[illegible] о Навуходо-
[illegible] ставить себѣ
[illegible] редставленіе,



[illegible]рвъ (мужчинъ).

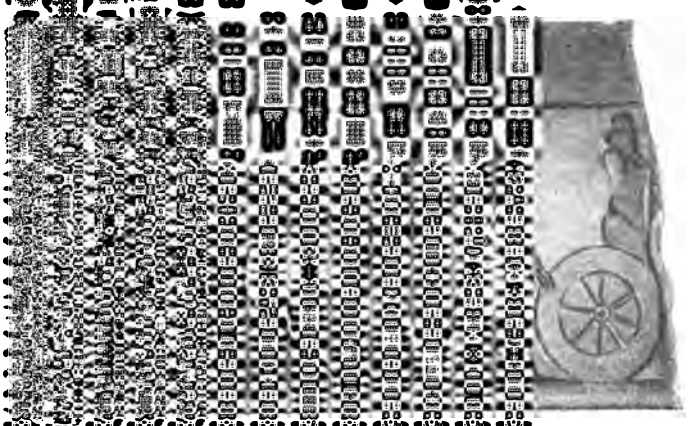


[illegible] (аудиторъ).

вовсе не желая бросить этимъ хотя бы тѣнь упрека книгѣ Даніила, памятнику 2-го столѣтія до Р. Хр. Мы должны даже быть благодарны составителю ея за то, что какъ ни свободно изложилъ онъ исторію и значеніе словъ «Ménê, ménê, tekel, û-parsîn», всетаки онъ далъ намъ ключъ къ вѣрному пониманію ихъ. Именно, какъ впервые указалъ французскій археологъ Клермонъ-Ганно, такъ выразительно оттѣненное въ 5 главѣ книги Даніила противоположеніе между великимъ отцомъ Навуходоноссоромъ и его совершенно ничтожнымъ сыномъ, въ царствованіе котораго персы завладѣли царствомъ, въ связи съ единственно вѣрнымъ толкованіемъ словъ: «исчислено было мина, секель и двѣ полъ-мины» показываетъ, что это «крылатое» изреченіе возникло въ еврейскихъ кругахъ, гдѣ было обыкновеніе называть образно ничтожнаго сына великаго отца «секелемъ», «сыномъ мины», и наоборотъ, вслѣдствіе чего и явилась игра словъ parsîn (полъ-мины) и персъ. Это остроумное, отчасти даже насмѣшливое, bonmot сводитъ всю исторію халдейскаго царства въ одну краткую фразу: «мина, т. е. великій царь, секель, т. е. ничтожный сынъ царя, и двѣ полъ-мины, т. е. раздѣленіе царства между мидянами и персами.

Прошло уже то время, когда можно было спорить о тождествѣ ассирійскаго царя Фула, современника Менаима израильскаго (4 Царствъ, XV,19) и ассирійскаго же царя Ѳеглаѳфелассара, современника Факея (тамъ же, ст. 29). Споръ этотъ давно рѣшенъ и потерялъ всякій смыслъ, благодаря хронологическимъ свѣдѣніямъ, добытымъ изъ клинообразныхъ надписей. Вотъ онъ стоитъ передъ нами на своей боевой ко-

[illegible] аѳелассаръ [illegible] вшійся ока- [illegible] соединившій [illegible] и сосѣдними [illegible] ностей онъ [illegible] стилъ мѣсто [illegible] каго народа, [illegible] іи до Р. Хр.



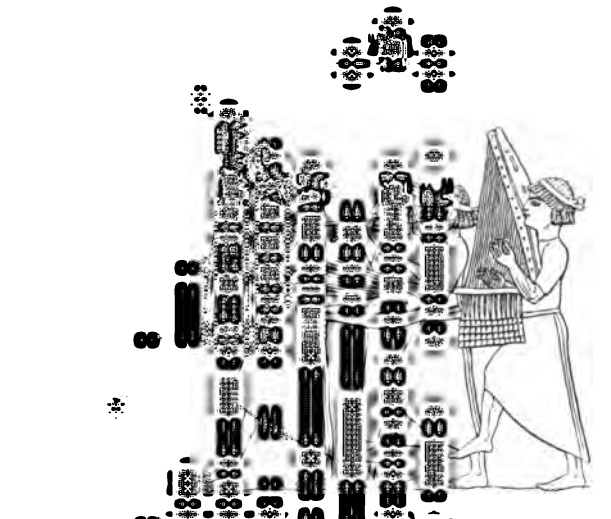
[illegible] ссаръ III).

[illegible] нъ и прежде [illegible] Вавилона, [illegible] ніе этого на- [illegible] что Талмудъ [illegible] инъ по вави- [illegible] галилейское [illegible] атемнѣніемъ [illegible] Христа сразу [illegible] 3). Это уста-

повленіе вавилонскаго (и уже по этому одному не чисто семитическаго) характера галилейско-самаритскаго народа, можетъ, по нашему мнѣнію, сыграть значительную роль и въ изслѣдованіяхъ Новаго Завѣта. Именно, многое въ воззрѣніяхъ, изреченіяхъ и опступкахъ Христа-галилеянина невольно влечетъ къ сравненію съ вавилонскими воззрѣніями. Напримѣръ, между чисто вавилонскимъ изреченіемъ «Сынъ человѣческій», съ которымъ Іегова обыкновенно обращается къ Іезекіелю и употребленіемъ того же самаго выраженія Іисусомъ вполнѣ возможно установить внутреннюю связь.

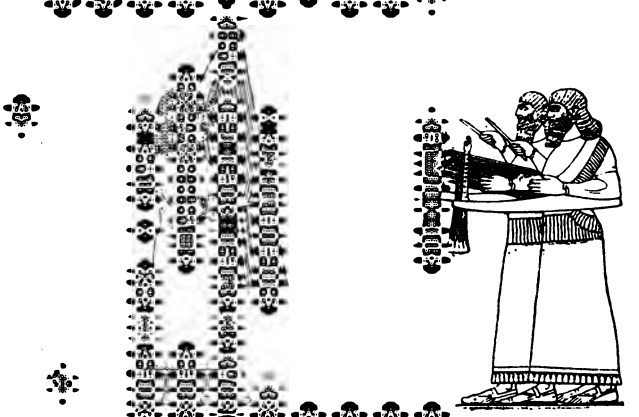
Укажемъ здѣсь заодно, что лишь теперь стало вполнѣ яснымъ другое, несравненно болѣе важное, библейское изреченіе, получившее притомъ толкованіе, которое не приходило въ голову ни одному изслѣдователю Ветхаго Завѣта. Памятники древнѣйшаго вавилонскаго права, вродѣ свода законовъ Гамураби, говорятъ намъ объ опредѣленныхъ сжатыхъ формулахъ, при помощи которыхъ то или другое волеизъявленіе получало правовое, пользующееся судебной защитой, значеніе. Если, напримѣръ, отецъ или мать говорили сыну: «Ты не дитя мое» (ne mârî atta), то этимъ самымъ лишали его семьи и изгоняли изъ дома. И подобно тому, какъ въ Вавилонѣ усыновленіе ребенка получало юридическую силу благодаря произнесенію словъ: «Ты сынъ мой», такъ и псалмопѣвецъ въ пользующемся всемірной извѣстностью 7-мъ стихѣ 2-го псалма образно объявляетъ Мессію пріемнымъ сыномъ Іеговы и наслѣдникомъ Его власти надъ народами, влагая въ уста Іеговы ненарушимую формулу усыновленія: «Ты Сынъ мой; Я нынѣ родилъ Тебя».

ветхозавѣт-
салтыря, этой
пѣсенъ Из-
временъ по-
гнанія, воз-
леніе ассиро-
нской стари-
ѣетъ особен-
ное значеніе.
мѣю въ этомъ
, конечно, не
ою его сто-
о есть то об-
льство, что
изъ музы-
ыхъ инстру-
въ, упомина-
въ Ветхомъ
в и особенно
алтырѣ, какъ
мѣръ арфу,
цимбалы, мы
ко встрѣчаемъ
ирійскихъ па-
ткахъ, хотя
установленіи
й связи ме-
израильскимъ
сиро-вавилон-
народомъ ри-
ассирійскихъ
ровъ, каза-



[illegible] ы и флейтисты.

[illegible] шей стороны бо̀льшаго [illegible] ійскіе рельефы, на кото- [illegible] аженія еврейскихъ му- [illegible] амомъ дѣлѣ, если мы по- [illegible] зображеніе тріумфаль-



[illegible] ты и цитристы.

[illegible] нъ, женщинъ
[illegible] рвый рядъ—
[illegible] ъ—(рис. 37)
[illegible] изображенія
[illegible] трѣчающіяся
[illegible] (рис. 38), или
[illegible] въ одно время

[illegible] скій квартетъ.

[illegible] сходные съ
[illegible] ъ отношеніи

[illegible] приказаній!
[illegible] имѣетъ ды-
[illegible] ханье!
[illegible] обою могуще-
[illegible] ствомъ?
[illegible] могущъ!
[illegible] всемогущъ!
[illegible] тъ ницъ не-
[illegible] ое воинство!
[illegible] сняются ницъ
[illegible] елы земли!

Прозвучитъ твое слово въ небесахъ, какъ буря—даетъ оно
въ изобиліи явства и напитки!
Прозвучитъ твое слово на землѣ — произростаютъ
растенія!
Твое слово утучняетъ слова и умножаетъ всякое дыханіе,
Твое слово творитъ правду и справедливость — и
правду говорятъ люди!
Твое слово подобно далекимъ небесамъ, недрамъ земли —
Никто не можетъ проникнуть въ его значеніе!
Твое слово—кто можетъ изучить его? Кто можетъ ему
противиться?

Приведенный псаломъ легко можно принять за взятый изъ ветхозавѣтнаго Псалтыря, напримѣръ, за пс. CLXVIII, а между тѣмъ приведенные стихи взяты изъ вавилонскаго псалма, посвященнаго богу луны, покровителю города Уръ. Этотъ псаломъ ясно показываетъ, насколько близка поэтическая форма духовныхъ пѣсенъ обоихъ народовъ: отдѣльный стихъ строится главнымъ образомъ изъ двухъ параллельныхъ колѣнъ и два или нѣсколько стиховъ соединяются въ одну строфу.

На долгое время останется славнымъ подвигомъ новѣйшаго ветхозавѣтнаго изслѣдованія, что оно путемъ упорнаго умственнаго труда, донынѣ еще подвергающагося яростнымъ нападкамъ, установило все болѣе и болѣе находящую всеобщее признаніе истину, именно, что большая часть ветхозавѣтныхъ псалмовъ принадлежитъ къ самому позднему періоду еврейской литературы. Въ особенности 70 псалмовъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ «псалмовъ Давида», представляютъ собой позднѣйшія добавленія, по большей части несходныя по языку и содержанію съ остальными. Болѣе того, невозможно доказать вѣроятность составленія Давидомъ хотя бы одного ветхозавѣтнаго

псалма. Остается лишь пожелать, чтобы эта истина получила возможно болѣе широкое распространеніе, такъ какъ именно псалмы, извѣстные подъ общимъ названіемъ «псалмы Давида», легко могутъ затемнить картину развитія израильской религіи.

Однако, какъ бы ни было при такихъ обстоятельствахъ справедливо и послѣдовательно сдѣлалъ выводъ о заимствованіяхъ еврейской поэзіи изъ вавилонской, мы довольствуемся и здѣсь лишь указаніемъ на существующее сходство между той и другой, въ особенности потому, что при близкомъ родствѣ евреевъ и семитовъ-вавилонянъ, а также при сходствѣ ихъ языка, образа мыслей и нравственныхъ воззрѣній, и безъ того нетрудно заключить, что и поэзія обоихъ народовъ должна имѣть много общаго въ языкѣ, стилѣ, ритмѣ, мысляхъ и картинахъ.

Кто хорошо знаетъ библейскіе псалмы, тотъ помнитъ весьма часто встрѣчающіяся въ нихъ описанія физическихъ и душевныхъ страданій, ниспосланныхъ псалмопѣвцу въ наказаніе за его грѣхи или причиняемыхъ ему недоброжелательствомъ враговъ, угрожающихъ его жизни: громко взываетъ онъ изъ бездны порока, въ которомъ онъ глубоко погрязъ, печально ходитъ взадъ и впередъ, какъ человѣкъ, потерявшій брата или мать; онъ высохъ, его тѣло и душа разрушаются; онъ кричитъ, какъ пеликанъ въ пустынѣ, и стонетъ, какъ голубь; сердце его стучитъ быстро и громко; душа перенеслась уже почти въ «chêol» и объята мракомъ смерти. «Утомленъ я воздыханіями моими; каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою» (Пс. VI, 7). Тѣ же самыя мысли и картины мы можемъ встрѣтить и въ вавилонскихъ псал-

махъ; даже выраженія тѣ же самыя: «Онъ сидитъ со смятеннымъ сердцемъ, стеная и горько жалуясь». Подобно горлицѣ тоскуетъ онъ жалобно день и ночь; какъ дикій быкъ кричитъ онъ, обращаясь къ своему милосердному богу; его станъ надломленъ, какъ тростникъ; онъ уже почти сталъ добычей смерти; его гробъ стоитъ открытымъ и черви караулятъ его.

Нѣкоторые ветхозавѣтные псалмы, какъ, напримѣръ псаломъ LXXXVIII-й, этотъ мрачный крикъ глубокаго отчаянія несчастнаго, находящагося при смерти, оставленнаго знакомыми, сходны по содержанію и выраженнымъ въ нихъ мыслямъ съ вавилонскими пѣснями скорби.

Весьма поучительны также и весьма часто встрѣчающіяся въ псалмахъ обоихъ народовъ ссылки на личныхъ противниковъ и злорадныхъ враговъ. Ветхозавѣтный Псалтырь содержитъ значительное число такихъ молитвъ праведныхъ и благочестивыхъ израильтянъ, направленныхъ противъ угрожающихъ ихъ жизни и ненавидящихъ ихъ враговъ, съ злораднымъ хохотомъ радующихся всякой неудачѣ или гибели ихъ. Весьма правдоподобный псаломъ на одрѣ болѣзни, пс. XL-й, заканчивается словами: «Ты же, Господи, помилуй меня и возставь меня, и я воздамъ имъ», т. е. врагамъ, желавшимъ видѣть его умершимъ и говорившимъ о немъ, какъ о таковомъ. Униженіе, срамъ и позоръ призываются на головы этихъ злорадныхъ враговъ. «Да постыдятся и посрамятся всѣ радующіеся моему несчастію; да облекутся въ стыдъ и позоръ величающіеся надо мною». (Пс. XXXIV, 26).

Точно такія же выраженія встрѣчаемъ мы въ одномъ обращенномъ къ богинѣ Истаръ покаянномъ

псалмѣ: «До какихъ же поръ, моя небесная царица, будутъ мои враги устремлять на меня свои взоры? При помощи лжи и неправды строить мнѣ козни? До какихъ поръ мой преслѣдователь, полный ненависти, будетъ поджидать меня?» Одна молитва къ Небо начинается такими словами: «Я прославляю тебя, о Небо, передъ всѣми великими богами; несмотря на множество моихъ враговъ, моя жизнь проходитъ безъ несчастій»; заканчивается молитва фразой: «Несмотря на множество моихъ враговъ, ты не покинешь меня, о Небо, несмотря на множество ненавидящихъ меня, ты не оставишь мою жизнь».

Но значеніе вавилонскихъ псалмовъ и молитвъ возрастаетъ еще болѣе потому, что они даютъ особенно ясное представленіе о нравственно-религіозныхъ воззрѣніяхъ вавилонянъ. Всякій понимаетъ, какъ мало могутъ служить источникомъ для сужденій объ ассиро-вавилонской религіи извѣстія о войнахъ и побѣдахъ ассирійскихъ царей, подобно тому, какъ едва ли кому либо придетъ въ голову изучать евангелическую или католическую религіи и этику по лѣтописямъ тридцатилѣтней войны. Кто одушевленъ дѣйствительнымъ желаніемъ изслѣдовать воззрѣнія вавилонянъ о нравственныхъ обязанностяхъ людей, о божествѣ и его свойствахъ, объ отношеніи человѣка къ божеству и наоборотъ, тотъ не можетъ пренебрегать серьезнымъ изученіемъ вавилонскихъ изреченій и письменныхъ памятниковъ религіознаго содержанія. Къ такому изученію до сихъ поръ прибѣгали весьма немногіе, и мнѣ хотѣлось бы поэтому дать болѣе подробное и полное изображеніе вавилонской этики и религіи. Это слѣдуетъ сдѣлать какъ потому, что бла-

годаря укоренившемуся взгляду на исторію Вавилона мы имѣемъ совершенно ложный взглядъ на религіозно-нравственныя воззрѣнія вавилонянъ, такъ въ особенности для того, чтобы быть въ состояніи, исходя изъ вновь установленной точки зрѣнія, критически изслѣдовать ветхозавѣтныя (а вмѣстѣ съ тѣмъ въ значительной степени и наши собственныя) религіозныя воззрѣнія и составить себѣ о нихъ правильное представленіе.

Мы уже указывали раньше, что въ образцовомъ правовомъ государствѣ, какимъ была Вавилонія съ 3-го тысячелѣтія до Р. Хр., съ ея возбуждающимъ еще и теперь удивленіе юристовъ законодательствомъ, первые, коренные заповѣди, продиктованные инстинктомъ самосохраненія и условіями человѣческаго общенія, вродѣ: «не проливай крови ближняго», «не желай жены его», «не отнимай у него одежды», были по меньшей мѣрѣ столь же священны и ненарушимы, какъ и у Израиля. Найденный при раскопкахъ сводъ законовъ Гамураби блестяще подтвердилъ правильность такого мнѣнія. То же самое можно сказать о 4-й заповѣди—о почитаніи родителей, о 8-й: «не произноси ложнаго свидѣтельства на ближняго твоего», и 9/10, въ которой подъ словами: «не желай жены ближняго твоего, и не желай дома ближняго твоего, ни поля его»... и т. д. запрещается ни что иное, какъ стремленіе присвоить себѣ имущество, жену и т. д. ближняго.

Совершенно аналогичное читаемъ мы въ § 25 законовъ Гамураби: «Если кто либо, придя для тушенія пожара, позарится на имущество хозяина и присвоитъ себѣ это имущество, то такой человѣкъ долженъ быть

брошенъ въ тотъ же самый огонь». Это еврейско-вавилонское «вожделѣніе» требуетъ для состава грѣха совершенія извѣстнаго поступка. Іисусъ былъ первый, кто своимъ, «а я говорю вамъ» призналъ грѣхомъ, заслуживающимъ наказанія, самую грѣховную склонность, грѣховное желаніе.

Такъ какъ на Востокѣ право и религія до сихъ поръ не отдѣляются другъ отъ друга, то всякое нарушеніе права является въ то же время поступкомъ противъ Бога, заслуживающимъ, наряду съ земнымъ наказаніемъ по закону, еще гнѣва и наказанія со стороны божества. Однако и всѣ остальныя нравственныя обязанности, не закрѣпленныя правомъ, должны были исполняться вавилонянами столь же строго, какъ и израильтянами и ихъ нарушеніе влекло за собой кару божества. Я говорю прежде всего о правдивости. Государство Гамураби умѣло въ достаточной степени обезпечить своимъ подданнымъ защиту противъ фальшивыхъ вѣсовъ, мѣръ или лжесвидѣтельства. Но нравственное сознаніе вавилонянъ, какъ и израильтянъ содержало въ себѣ болѣе широкое и глубокое понятіе правдивости и поэтому можно только пожалѣть, что 8-я заповѣдь, вмѣсто ограниченнаго понятія «ложнаго свидѣтельства», не охватила въ своемъ содержаніи болѣе широкаго опредѣленія: «ты не долженъ лгать». Если бы намъ съ ранняго дѣтства прививали сознаніе предосудительности лжи во всякой формѣ, подобно тому, какъ персы, по свидѣтельству Геродота (I, 136) пріучали своихъ дѣтей въ возрастѣ отъ 5 до 20 лѣтъ исключительно къ тремъ вещамъ: ѣздить верхомъ, стрѣлять изъ лука и говорить правду,— то отношенія между людьми были бы въ настоящее

время несомнѣнно гораздо лучше. У вавилонянъ всякая неправда, напримѣръ, не сдержать даннаго обѣщанія отказать въ обѣщанной защитѣ, говорить «да», имѣя въ сердцѣ «нѣтъ», вообще всякая ложь неоднократно рѣзко клеймится, какъ грѣхъ противъ божескихъ и человѣческихъ законовъ. Въ противоположность этому правдивость превозносится, какъ высшая добродѣтель. Что же касается «любви къ ближнему», состраданія къ нему, то никто не можетъ отрицать возвышеннаго характера израильской заповѣди: «люби ближняго твоего, какъ самого себя», несмотря на ограниченіе примѣненія ея исключительно къ членамъ своего народа (Левитъ, XIX, 18). Но, не отнимая у іудейства принадлежащаго ему, пусть честно и справедливо воздадутъ другимъ народамъ должное за ихъ заслуги, отдадутъ Богу—Божіе.

Нельзя согласиться, чтобы любовь къ ближнему являлась монополіей израильскаго народа и потому слѣдуетъ признать слишкомъ поспѣшнымъ утвержденіе, что въ Вавилонѣ нельзя найти ни малѣйшаго слѣда чего либо подобнаго основному принципу истинной нравственности «любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ».

Не говоря уже о томъ, что является совершенно невѣроятнымъ, чтобы вавилоняне, подобно евреямъ считавшіе себя вполнѣ зависимыми отъ милости божества, отъ его милосердія, не признавали въ свою очередь никакой любви къ ближнимъ. Подобное утвержденіе прямо противорѣчитъ свидѣтельству памятниковъ. Мы уже раньше указывали, что, желая узнать причины гнѣва божества къ больному, врагъ предлагалъ ему вопросы: «Быть можетъ ты не освободилъ

заключеннаго? не развязалъ связаннаго? не далъ заключенному возможности смотрѣть на свѣтъ?» Это одинъ примѣръ. Но Британскій музей хранитъ—къ сожалѣнію, еще не въ полномъ числѣ—таблицы съ вавилонскими изреченіями, позволяющими намъ составить себѣ вѣрное представленіе о глубинѣ нравственныхъ воззрѣній благородныхъ вавилонянъ, подобно тому, какъ сводъ законовъ Гамураби далъ намъ понятіе о «неизмѣримой культурности» этого народа. Въ этихъ таблицахъ мы можемъ прочесть изреченія, справедливость которыхъ оправдывается опытомъ тысячелѣтій и которыя тѣмъ не менѣе, къ величайшему стыду людей, не запечатлѣлись глубоко въ ихъ сердцахъ. Таково, напримѣръ, изреченіе:

Не говори много, храни уста твои!
Если ты разгнѣванъ, подожди говорить,
Ибо если ты заговоришь сейчасъ же, ты долженъ будешь впослѣдствіи раскаяться!
Нѣтъ, молчаніемъ успокой свой гнѣвъ!

Тамъ же мы можемъ прочесть—подобное бриллiанту, блескъ котораго не зависитъ отъ мѣста и времени—увѣщаніе вавилонскаго мудреца любить ближняго, не призирать его и не относиться къ нему съ высокомѣріемъ, что̀ неизбѣжно вызоветъ гнѣвъ божества, а, напротивъ, оказывать помощь тѣмъ, кто проситъ пищи или питья, такъ какъ это пріятно божеству, творить всегда добро. Вообще, когда мы углубляемся въ эти таблицы, то съ радостью видимъ, что милосердный Богъ—Богъ-любовь—удѣлилъ свои небесныя добродѣтели не одному народу, что его милосердіе распространяется вездѣ, гдѣ живутъ люди,

и потому отблескъ этихъ добродѣтелей отражается всюду въ человѣческихъ сердцахъ.

Эти нравственныя правила не были только надписями на глиняныхъ таблицахъ. Мы читаемъ о примѣрахъ частаго проявленія ихъ на дѣлѣ даже по отношенію къ рабамъ и рабынямъ. Библейская 4-я книга Царствъ заканчивается даже разсказомъ объ актѣ милосердія со стороны вавилонскаго царя къ своему политическому врагу, разсказомъ объ освобожденіи изъ темницы іудейскаго царя. Кто внимательно изучалъ законы Гамураби, долженъ сознаться, что, какъ ни защищаютъ они жизнь, собственность и доброе имя каждаго отдѣльнаго человѣка, какъ ни категорически требуютъ самаго добросовѣстнаго исполненія обязанностей отъ всѣхъ, кто обязанъ къ этому службой или званіемъ, и за каждое пренебреженіе этими обязанностями угрожаютъ строжайшими наказаніями,—всетаки любовь, кротость и состраданіе находятъ себѣ выраженіе и тамъ. Мы читаемъ о необходимости любвеобильной заботы о болѣющей долгое время женѣ (§ 148), о вдовахъ и сиротахъ (§ 178), о кротости по отношенію къ постигшему несчастіемъ должнику (§ 48), о снисхожденіи къ дурному сыну (§ 169).

Да и стоитъ ли говорить много объ этомъ, когда въ началѣ этой главы мы уже узнали, что самаритяне по своему происхожденію вавилоняне и самими іудеями признавались за жителей города Куты, т. е. другими словами—вавилонянами. И развѣ проникнутая божественнымъ духомъ притча Христа о милосердномъ самарянинѣ не является понятнымъ всему міру памятникомъ того, какой глубокій смыслъ при-

давали вавилоняне понятію любви къ ближнему. Поистинѣ, гдѣ бы въ мірѣ ни совершились поступки, подобные поступку самарянина, Библія и Вавилонъ братски протянутъ другъ другу руку, и именно вавилонянина Христосъ поставилъ какъ образецъ для всѣхъ людей, сказавъ: «Иди и поступай такъ же».

Къ этимъ и другимъ заповѣдямъ присоединялись въ Вавилонѣ, какъ и у израиля, многочисленныя предписанія жрецовъ, касающіяся жертвоприношенія, молитвъ и добровольныхъ даровъ, главнымъ же образомъ заповѣдь не произносить всуе имя Господне, т. е. не злоупотреблять имъ. Въ особенности клятва именемъ Бога считалась настолько священной, что ни въ законахъ Гамураби, насколько мы знаемъ ихъ въ настоящее время, ни въ отрывкахъ процессуальнаго права, вовсе не предусматривается возможность нарушенія такой клятвы. Съ другой стороны вавилонянинъ не долженъ ѣсть, не упомянувъ предварительно имя Божіе, и долженъ всегда помнить долгъ благодарности по отношенію къ Богу. Если мы возьмемъ всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ богобоязненность трактуется, какъ важнѣйшая обязанность человѣка, а отсутствіе ея, какъ корень всякаго зла, то мы можемъ со спокойною совѣстью утверждать, что у вавилонянъ, какъ и у евреевъ, богобоязненность считалась началомъ мудрости. Подобнымъ же образомъ мы можемъ прочесть на одной таблицѣ изъ библіотеки Сарданапала изреченіе: «Бойся Бога, чти царя!». Почитаніе царя-главы государства, въ которомъ обычно видѣли замѣстителя Бога на землѣ, благоговѣніе передъ законами государства, данными высшимъ законодателемъ неба

и земли и прежде всего страхъ передъ божествомъ— таковы были основы, въ теченіе двухъ тысячелѣтій поддерживавшіе прочность вавилонскаго государства, несмотря на многочисленность его враговъ. Насколько серьезно сами цари относились къ грѣху, показываетъ надпись, вырѣзанная по приказанію послѣдняго халдейскаго царя въ башнѣ храма, посвященнаго богу луны, въ г. Уръ: конецъ заключающейся въ ней молитвы представляетъ собой мольбу къ Богу предохранить отъ грѣха Валтассара, старшаго сына царя.

Каждый безъ предубѣжденія относящійся къ фактамъ долженъ сознаться, что содержаніе понятія «грѣхъ» или, говоря другими словами, совокупности всего того, чего человѣкъ обязанъ не дѣлать по отношенію къ Богу и людямъ, въ Вавилонѣ и въ Ветхомъ Завѣтѣ совершенно одинаково. Такое же согласіе господствуетъ и во взглядахъ обоихъ народовъ на послѣдствія грѣха. Ни одинъ грѣхъ не можетъ укрыться отъ глазъ божества, ни одинъ не останется безъ наказанія. Послѣдствіемъ грѣха является гнѣвъ божества, отлучающій грѣшника отъ общенія съ нимъ и проявляющійся въ наказаніи: въ болѣзни, несчастіи, нуждѣ, недоброжелательствѣ, гибели, смерти (Пс. XXXVIII,3; LXXXVII,8; VIII,15; LXXXIX;7 и мн. др.). Ветхо-и новозавѣтное воззрѣніе, что болѣзнь и нужда являются расплатой за грѣхи, совершенно сходно съ вавилонскимъ, и мы хотѣли бы сказать—счастье, что оно сходно съ нимъ, ибо это даетъ намъ право какъ можно тщательнѣе изслѣдовать еще разъ, можетъ ли принятіе подобной причинной связи между болѣзнью и грѣхомъ устоять передъ судомъ пріобрѣтенныхъ нами съ тѣхъ поръ знаній.

UNIV. OF CALIFORNIA

Въ сердечномъ сокрушеніи, молитвой и слезами старается вавилонскій праведникъ умилостивить гнѣвъ божества, успокоить его сердце, твердо вѣря въ отеческое милосердіе его. Всѣ ветхозавѣтныя молитвы, вызванныя тяжкимъ послѣдствіемъ грѣха, какъ, напримѣръ: «Господи! не въ ярости Твоей обличай меня и не во гнѣвѣ твоемъ наказывай меня!» (Пс. VI, 2) или призывъ: «Доколѣ же, о Боже», полны стремленія освободиться отъ тяжести грѣха и тѣмъ самымъ избавиться отъ болѣзни, несчастія или вражды; всѣ они полны надежды, что Богъ благословитъ произносящаго ихъ долголѣтіемъ, и онъ будетъ имѣть возможность долго вести праведную жизнь; всѣ дышатъ твердой вѣрой въ милость божества. И совершенно подобныя молитвы, выраженныя въ захватывающихъ словахъ, читаемъ мы въ различныхъ варіаціяхъ и въ вавилонскихъ молитвенныхъ пѣснопѣніяхъ.

О, если бы отвратился гнѣвъ Господа!
О Господь! многочисленны мои прегрѣшенія, велики мои грѣхи,
И вольныя и невольныя.
Я бросался туда и сюда, но никто не протянулъ мнѣ руку помощи!
Я плакалъ, но никто не подошелъ ко мнѣ!
Я громко кричалъ, но никто меня не слышалъ.
Я полонъ невыразимыхъ страданій, не могу взглянуть вверхъ!
Я обращаюсь среди несчастья къ моему милосердному Богу,
Я обнимаю и цѣлую ноги моей богини!
О Богъ, не поражай своего раба,
Лежащаго въ грязи,—помоги ему!
Прости мнѣ содѣланныя прегрѣшенія,
Грѣхи мои развѣй по вѣтру,
Мои многочисленные проступки, разорви, какъ ткань!
Да, прости мнѣ грѣхи, я буду повиноваться тебѣ!

Твое сердце, подобное сердцу матери, пусть обратится ко мнѣ,
Пусть обратится какъ сердце матери, какъ сердце отца!

Само собой разумѣется, что въ вавилонскихъ покаянныхъ молитвахъ и псалмахъ кающійся грѣшникъ прежде всего молитъ объ избавленіи отъ грѣха, о прощеніи его, преимущественно съ той цѣлью, чтобы съ него было снято отлученіе, чтобы болѣзнь, страхъ смерти, несчастіе или нужда были удалены изъ дома молящагося. Вавилоняне должны бы были быть не людьми, если бы это было иначе. Но думать, что израильскій народъ имѣлъ болѣе глубокое,—«безконечно болѣе глубокое»—понятіе о сущности грѣха, значитъ обманывать себя и другихъ. Если думать, что вавилоняне замѣчали грѣхъ лишь вслѣдствіе его внѣшнихъ послѣдствій, то этому противорѣчатъ постоянно повторяемыя жалобы вавилонскихъ праведниковъ, упоминающихъ на ряду съ внѣшними послѣдствіями грѣха также и о причиняемыхъ имъ душевныхъ страданіяхъ. Къ этому надо добавить, что именно вавилонская религія выработала особенно нѣжныя, искреннія вѣрованія о связи, существующей между людьми и божествомъ, и о нарушеніи ея вслѣдствіе грѣха. Каждый человѣкъ, какъ царь, такъ и всякій другой смертный, разсматривается, какъ «дитя своего Бога»; его Богъ, которому онъ обязанъ жизнью, проникаетъ въ видѣ добраго духа все его внутреннее существо, охраняя и защищая его. Ни одно болѣе значительное несчастіе, какъ, напримѣръ, болѣзнь или горе, не можетъ постигнуть человѣка, если только вслѣдствіе грѣховъ Богъ или (по отношенію къ женщинѣ) богиня не покинетъ его тѣла.

Подобное оставленіе человѣка божествомъ и вызываемыя имъ душевныя мученія являются въ глазахъ вавилонянъ страшнѣйшимъ послѣдствіемъ грѣха. Только на милость божества уповаетъ грѣшникъ, какъ потому, что часто, несмотря на самое добросовѣстное самоиспытаніе, онъ не можетъ знать всѣхъ своихъ грѣховъ, требующихъ покаянія, такъ и потому, что мысли божества—не наши мысли, и человѣкъ иногда считаетъ дурнымъ угодное божеству и наоборотъ. Но вавилонянинъ живетъ съ твердой вѣрой, что

богобоязненность — порождаетъ милость,
жертва — удлиняетъ жизнь
и молитва — освобождаетъ отъ грѣховъ.

Божества милосердны и сострадательны и охотно возвращаютъ свое расположеніе кающемуся грѣшнику, въ особенности Мардукъ, болѣе всего любящій воскрешать мертвыхъ, т. е. снова возвращать къ жизни постигнутыхъ смертью, изливающійся въ состраданіи, врачъ тѣла и души людей, является однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и благородныхъ созданій вавилонскаго Пантеона. Но и всѣ остальныя великія божества понимались, какъ нравственныя силы. Самисъ, Богъ солнца, называется «богомъ справедливости». Это справедливый, неподкупный судья, видящій все, даже самое сокровенное и, подобно тому, какъ о Іеговѣ говорится: «Правда пойдетъ передъ Нимъ и поставитъ на путь стопы свои» (Пс. LXXXIV, 14) или: «Правда и судъ — основаніе престола Его» (Пс. XCVI, 2), такъ и передъ вавилонскимъ богомъ солнца стоятъ всегда божества «право» и «справедливость». И какое высоко, свѣтлое представленіе должно было

быть связано съ сыномъ Мардука—Небо, если его почитали и молились ему, какъ «свѣту правды».

Изъ сказаннаго само собой ясно, что и вавилонскія божества суть живыя силы. Относительно этого мы должны кореннымъ образомъ измѣнить нашъ прежній взглядъ. Ветхозавѣтныя изображенія ассиро-вавилонскихъ боговъ и насмѣшки надъ ними, какъ надъ деревянными и каменными идолами, сдѣланными человѣческими руками (Второзак. IV,28; Исаія XLIV,9 и сл.), связаны лишь съ внѣшней стороной вавилонскаго богопочитанія. Какъ показали намъ раскопки, самый почитаемый (Adyton) изъ вавилонскихъ храмовъ представляетъ собой весьма небольшое пространство, почти все занятое постаментомъ статуи бога, такъ что оставалось мѣсто для движеній лишь одного жреца. Изображеніе, какъ таковое, уже по одному этому не могло быть предназначено для поклоненія со стороны народа. Скорѣе оно должно было обозначать мѣсто, избранное божествомъ для пребыванія его среди людей, главнымъ образомъ среди своего народа, мѣсто, гдѣ вѣрующіе постоянно могли бы найти его. Какъ Іегова, богъ израиля, послѣ того какъ управленіе народомъ сосредоточилось въ Іерусалимѣ и Соломонъ построилъ храмъ на Сіонѣ, избралъ Іерусалимъ мѣстомъ своего жительства, а храмъ на Сіонѣ—своимъ домомъ, скрывающимъ въ себѣ Его величіе, такъ Мардукъ избралъ Вавилонъ мѣстомъ своего пребыванія и храмъ Езагила своимъ любимымъ жилищемъ. Въ земномъ домѣ божества человѣкъ чувствуетъ себя ближе всего къ нему. Поэтому подобно тому, какъ еврейскій поэтъ стремится къ преддверію храма Іеговы, такъ одинъ изъ вавилонскихъ праведниковъ въ вечерней молитвѣ про-

спть божество перенести его во спѣ въ Езагилу, святилище Мардука. Похищеніе статуи вавилонскаго божества врагами или вообще разрушеніе храма было для города или народа признакомъ, что божество разгнѣвалось и вознеслось обратно на небо. Если умилостивить его гнѣвъ, оно возвращается въ свой храмъ, какъ и Іегова послѣ возвращенія израиля изъ плѣна вернулся въ свой городъ къ своему народу. Конечно, на долю особенно почитаемыхъ и прославленныхъ изображеній боговъ, когда ихъ носили въ торжественныхъ процессіяхъ, а также маленькихъ фигурокъ боговъ, которыя прислужникамъ храма разрѣшалось продавать вѣрующимъ, выпадало извѣстное поклоненіе со стороны простого народа. Однако такое поклоненіе вовсе не составляло сущности вавилонской религіи; мы знаемъ, что и іудейскіе пророки упоминаютъ объ одной таинственной горѣ боговъ на сѣверѣ, гдѣ живутъ вавилонскія божества (Исаія XIV, 13; Іезек. XXVIII, 14, 16) и можемъ такимъ образомъ заключить, что они хорошо понимали разницу между самими богами и земными формами ихъ изображенія.

Но вѣдь такъ и должно было быть, что силы и формы проявленія живыхъ божествъ, даже если бы они всѣ олицетворялись отдѣльно, соотвѣтствовали живымъ божествамъ. И такимъ образомъ ассиро-вавилонскія божества по своимъ свойствамъ ни въ чемъ не отличались отъ Іеговы, бога израиля. И они— всемогущія, всевѣдующія, вездѣсущія существа; и они творятъ все, что хотятъ, на небѣ и на землѣ, «на моряхъ и во всѣхъ безднахъ» (Пс. CXXXIV, 6). Передъ Іеговой горы таютъ, какъ воскъ, и точно также одно слово вавилонскихъ боговъ сравниваетъ горы съ зе-

млей. Мардукъ приказываетъ, и все дѣлается по его слову и, какъ пророкъ Наумъ говоритъ о гнѣвныхъ, всесильныхъ словахъ Іеговы: «запретитъ онъ морю— и оно высыхаетъ, и всѣ рѣки изсыхаютъ; вянетъ Васанъ и Кармилъ и блекнетъ цвѣтъ на Ливанѣ», точно такъ же читаемъ мы въ одномъ псалмѣ, обращенномъ къ Мардуку:

Твое слово — огромная сѣть раскинутая надъ небомъ и землей!
Пронесется оно надъ моремъ—и море отступаетъ передъ нимъ;
Пронесется оно надъ лугами—и луга стонутъ;
Пронесется оно надъ теченіемъ Евфрата—и омрачается русло рѣки.

Вавилонскіе боги также говорятъ съ людьми, особенно съ избранными пророками и ясновидцами, и ихъ слова проносятся надъ землей то въ дуновеніи вѣтра, то въ ревѣ бури. Боги видятъ и знаютъ все, проникаютъ въ самыя сокровенныя тайны; пути народовъ извѣстны имъ такъ же хорошо, какъ и жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка. Поэтому вавилонянинъ твердо вѣритъ, что божество слышитъ и милостиво принимаетъ его горячія мольбы. «Слышащій молитвы», «принимающій мольбы»—это одинъ изъ любимѣйшихъ эпитетовъ по отношенію къ ассиро-вавилонскимъ божествамъ. Ежедневно воздымаетъ вавилонянинъ свои руки къ небу, вполнѣ увѣренный, что боги въ состояніи и всегда готовы помочь ему. Мы не знаемъ, можетъ ли сила молитвы быть выражена лучшими словами, нежели тѣ которыя мы читаемъ на одной нѣсколько разъ упомянутой уже ассиро-вавилонской глиняной таблицѣ (к. 7897):

«Молитвы, мольбы и поклоненіе
Долженъ ты приносить ему рано утромъ;
Тогда твои силы будутъ крѣпки и дадутъ
Тебѣ возможность съ помощью Бога
Достичь самаго труднаго».

Человѣкъ съ самаго вступленія своего въ жизнь и до смерти вполнѣ зависитъ отъ милости боговъ, и онъ долженъ поэтому жить въ смиреніи. Радостно привѣтствуемый родителями, какъ милостивый подарокъ боговъ, мальчикъ или дѣвочка проходитъ съ помощью бога свой жизненный путь. Какъ у Іова говорится (XIV, 6): «Отвратишь отъ человѣка взоръ твой, и онъ погибъ», точно такъ же читаемъ мы въ клинообразныхъ надписяхъ: «Если ты смотришь, богиня, милостиво на человѣка—живъ этотъ человѣкъ (К. 10106) или: «Куда ты смотришь милостиво, тамъ оживаютъ умершіе, выздоравливаютъ больные; все несправедливое дѣлается справедливымъ подъ твоимъ взглядомъ». И лучшее пожеланіе, которое уходящій вавилонскій жрецъ могъ сдѣлать больному или вообще страждущему (и которое онъ обыкновенно дѣлалъ), совершенно сходно со словами псалма, съ которыми Іисусъ на крестѣ закрылъ глаза: «Въ руки Твои предаю духъ мой» (Пс. XXX, 6). Какъ мы видимъ, религіозно-нравственное чувство вавилонскаго народа не страдало отъ политеистическаго характера его вѣры. Болѣе того, если мы справимся въ сочиненіяхъ благородныхъ и серьезныхъ писателей обоихъ народовъ, мы найдемъ у нихъ еще далѣе идущее сходство. Даже въ отношеніи значенія жертвоприношенія, этой присущей и религіи Іеговы языческой черты, мы встрѣчаемъ замѣчательную аналогію.

Справедливо считаютъ высокимъ вдохновеніемъ израильскихъ пророковъ, когда Осія влагаетъ въ уста Іеговы слова: «Милости хочу, а не жертвы и боговѣдѣнія болѣе, нежели всесожженія» (Осія 6, 6) или когда составитель L-го псалма, во 2-мъ столѣтіи до Р. Хр., одинъ изъ участниковъ созданія израильской религіи въ полномъ смыслѣ слова, заставляетъ Бога отречься отъ офиціальнаго культа жертвоприношеній и прославляетъ, какъ любимѣйшую Богомъ жертву, молитвы, содержащія благодарность или мольбы. Но даже и для этихъ глубокихъ и вѣчно цѣнныхъ мыслей мы находимъ аналогіи въ Вавилонѣ:

Ежедневно молись твоему Богу,
Чистота рѣчи есть лучшая жертва;
Къ твоему Богу ты долженъ обращаться въ чистотѣ,
Это самое достойное Бога (К. 7897 Z, 12—15).

На уста проситься вопросъ: если этика и религіозность вавилонянъ столь чиста и симпатична, какъ вообще слѣдуетъ понимать и объяснять ихъ политеистическое міровоззрѣніе?

Не совсѣмъ легко ясно представить себѣ вавилонское понятіе о божествѣ на основаніи религіозныхъ представленій сумерійцевъ, воспринятыхъ переселившимися семитами въ качествѣ одной изъ основъ сумерійской культуры, и получившихъ дальнѣйшее распространеніе въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ. Но при помощи памятниковъ клинообразнаго письма можно составить себѣ слѣдующую картину.

Внизу, въ самой южной части вавилонской равнины, гдѣ обѣ рѣки черезъ глухіе лѣса высокихъ тростниковъ стремятся къ морю, въ глубокой древ-

ности создалъ себѣ сумерійскій народъ въ суровой смѣлой борьбѣ съ наводненіями, палящими лучами солнца и многими другими препятствіями человѣческія условія существованія, занялся земледѣліемъ и скотоводствомъ и, добиваясь благосостоянія отдѣльныхъ лицъ при помощи планомѣрной совмѣстной работы многихъ, сдѣлался піонеромъ человѣческой культуры и цивилизаціи. Но какъ ни былъ малъ міръ, въ которомъ человѣкъ въ потѣ лица своего обрабатывалъ поля, разводилъ растенія и пасъ скотъ, все же, подчиненный видимому господству невримыхъ, непостижимыхъ сверхчеловѣческихъ, т. е. божественныхъ силъ, онъ былъ полонъ тайнъ и захватывающихъ впечатлѣній. Между необозримымъ, глубокимъ, никогда не знающимъ покоя моремъ и теченіемъ рѣкъ-близнецовъ, приносящихъ то благосостояніе, то гибель, какъ островъ, лежало пространство земли, насыщенной влагой и неистощимо плодородной, сторицей вознаграждавшей труды человѣка щедрыми дарами своими,— злаками, пальмами и всякими плодами. Надъ моремъ и сушей высился безконечно-далекій небесный сводъ съ его безчисленными чудесами. Каждое утро вавилоняне радостно встрѣчали величественное появленіе огненнаго шара-солнца изъ небесныхъ воротъ, а вечеромъ, когда таинственная ночь спускалась надъ людскими жилищами, на темномъ фонѣ неба предъ ихъ взорами сверкали безчисленные сонмы золотыхъ звѣздъ и яркихъ созвѣздій.

Ихъ очарованные взоры приковывало къ себѣ движеніе каждаго дивно-блестящаго свѣтила, въ особенности же той звѣзды съ мягкимъ свѣтомъ, слѣдующей, какъ вѣрная неразлучная сестра за солнцемъ

при его восходѣ и закатѣ—богини Истаръ, вечеромъ зовущей на покой въ объятія любви, а утромъ пробуждающей людей на новую жизненную борьбу. Съ новой и новой благодарностью поклонялись они, какъ покровительницѣ, другу и совѣтницѣ, лунѣ, обращающейся къ людямъ черезъ точно опредѣленное время то своимъ серпомъ, то круглой, сіяющей діадемой, между тѣмъ какъ край ея сотканной изъ свѣта одежды трепетно касается луговъ и водъ. Всѣ эти явленія, а также всевозможныя разрушительныя силы, какъ, напримѣръ, незамѣтно подкрадывающіяся и внезапно разражающіяся эпидеміи и съ страшной, безпощадной силой несущіеся изъ пустыни ураганы, застилающіе мглой даже ясное небо, возбуждали въ человѣкѣ трепетъ предъ божествомъ. Всюду видѣлъ и чувствовалъ человѣкъ божественныя силы, дѣйствія и откровенія:—въ выси небесъ, на землѣ и подъ землей, въ огнѣ, въ рѣкахъ, въ волнующейся нивѣ. Въ каждомъ человѣкѣ видѣли проявленіе божественной силы и вѣрили въ присутствіе въ немъ божества. Все открыто посвященнымъ взорамъ и всюду они видятъ слѣдъ божества. Умѣніе дѣлать изъ глины кирпичи, строить изъ нихъ домъ, стѣны и башни, или искусство изъ червоннаго золота выдѣлывать разныя украшенія вавилоняне считали какъ бы священными дарами боговъ. Точно такимъ же образомъ обоготворяли они понятія права и справедливости. Нельзя сказать, чтобы они чтили, какъ фетишъ, самый кирпичъ, какъ они дѣлали это по отношенію къ солнцу; скорѣе они видѣли во всемъ физическомъ и духовномъ мірѣ проявленіе и дѣйствіе неземного божества, царящаго надъ міромъ.

[illegible] ключеніемъ [illegible] цицетворяли [illegible] но ихъ мо- [illegible] ношеніямъ, [illegible] творчества [illegible] ихъ явленій [illegible]

Рис. 41. Изображеніе [illegible] кихъ боговъ.

[illegible] тельно, если [illegible] 40) или от- [illegible] богини Эи, [illegible] (рис. 42), [illegible] викнувъ въ [illegible] тельно поэ- [illegible] то и пѣня-

щагося источника въ видѣ рыбы-козла (рыба—символъ воды). Подобно тому какъ при помощи постоянныхъ наблюденій надъ звѣзднымъ небомъ вавилоняне научились познавать божескіе законы въ движеніи и сочетаніи звѣздъ, такъ все происходящее на землѣ,—какъ крупныя, такъ и самыя незначительныя явленія, въ родѣ полета птицъ,—они считали знаменіемъ боговъ. Томимые жаждой познанія божества, вавило-

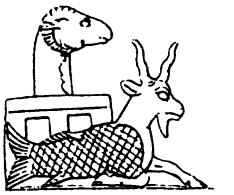
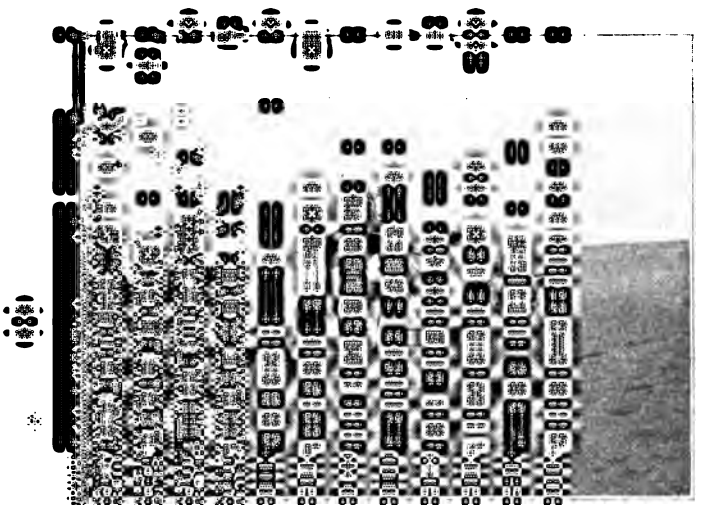


Рис. 41. Изображеніе Мардука. Рис. 42. Изображеніе Эи.

няне сосредоточили всѣ свои умственныя силы на этомъ вопросѣ.

Есть много указаній на то, что, подобно греческимъ и римскимъ философамъ, великіе мыслители Вавилона были близки къ мысли за множествомъ отдѣльныхъ боговъ видѣть отвлеченное единое божество. Однако мы не могли бы привести ни одного свидѣтельства въ подтвержденіе этого, свидѣтельства, могущаго доказать, это а тѣмъ болѣе сходство богопочитанія вавилонянъ съ монотеизмомъ семитовъ. Въ этомъ пунктѣ Библія и религія Вавилона всегда будутъ различаться другъ отъ друга, хотя и здѣсь допустима одна параллель—параллель человѣческаго несовершенства, отъ котораго несвободна и религія семитовъ и израильтянъ.

* * *



[illegible] видитъ взоръ,
[illegible] 43), и столь
[illegible] ника. Нѣтъ
[illegible] знаетъ пол-
[illegible] ными дарами
[illegible] зни не позво-
[illegible] та звѣзднаго
[illegible] колодцы и
[illegible] можно выйти
[illegible] ени и стро-
[illegible] езпрекослов-
[illegible] Семито-ва-
[illegible] —тѣнь бога;
[illegible] ога». Неиз-
[illegible] нію религіи

семитовъ природа пустыни и жизнь въ ней, а также объединеніе кочевыхъ родовъ подъ властью одного вождя, но во всякомъ случаѣ семиты-кочевники въ Эль или Богѣ видѣли единаго и единственнаго творца неба и земли; къ Нему, какъ къ «цѣли», обращали они, свои взоры и сердца и простирали съ мольбой руки, считая его владыкой вселенной, остающимся, въ противоположность смертнымъ, неизмѣннымъ изъ рода въ родъ. Это поистинѣ возвышенное и строгое воззрѣніе на бога человѣческій умъ скоро превратилъ въ смутное и неясное. Какъ сумерійцы расчленили божество на отдѣльныя проявленія божественной силы и мудрости и забыли единый общій ихъ первоисточникъ, такъ и семиты изъ единаго Бога вселенной создали племенныхъ и народныхъ боговъ. Бога вселенной они низвели въ тѣсныя рамки своей бѣдной обособленной жизни, полной племенной розни и боевыхъ утѣхъ, и, давъ ему особое имя, взятое изъ своего языка, обратили въ своего личнаго, спеціальнаго бога, а себя—въ народъ и достояніе его.

Отъ такого партикуляристическаго воззрѣнія на Бога не могли скоро и вполнѣ освободиться даже великіе пророки Израиля и Іудеи. Какъ арабъ не можетъ понять, что его Аллахъ, — единый всемогущій творецъ вселенной, о которомъ проповѣдывалъ Магометъ, есть тотъ же Іегова, единый всемогущій творецъ, поклоненіе которому сохранилъ въ своемъ народѣ Моисей, такъ израильтяне со времени предковъ почитали единаго Бога подъ именемъ Іеговы, моавитяне—подъ именемъ Хамоса, аммонитяне—подъ именемъ Молоха (Милькома), т. е. повелителя, но всѣ они признавали существованіе отдѣльныхъ племенныхъ боговъ. Это

подтверждаетъ даже Ветхій Завѣтъ. Всѣмъ извѣстно прекрасное мѣсто книги Руѳь, гдѣ золовка Руѳи Орфа, по желанію Ноемини, уходитъ обратно «къ народу своему и къ своимъ богамъ» (Руѳь, I,15), между тѣмъ какъ Руѳь говоритъ своей свекрови: «Народъ твой будетъ моимъ народомъ, и твой Богъ — моимъ Богомъ» (ст. 16). Такъ говоритъ простая народная вѣра, такъ же говорятъ историки и пророки, неоднократно называющіе моавитянъ народомъ Хамоса (Числъ XXI, 29; Іер. XLVIII, 46), какъ израиль — народомъ Іеговы. А такъ какъ мы не имѣемъ никакого основанія предполагать, что Хамосъ не почитался, какъ Іегова или всевышній Богъ Мельхиседека (Бытіе XIV, 18), единымъ творцомъ вселенной, или что нравственно-религіозная жизнь моавитянъ стояла на низшемъ уровнѣ сравнительно съ израильтянами, то названіе «мерзости» (3 Царствъ XI, 7), даваемое національному Богу ихъ и аммонитянъ, можно объяснить только проявленіемъ политическихъ страстей.

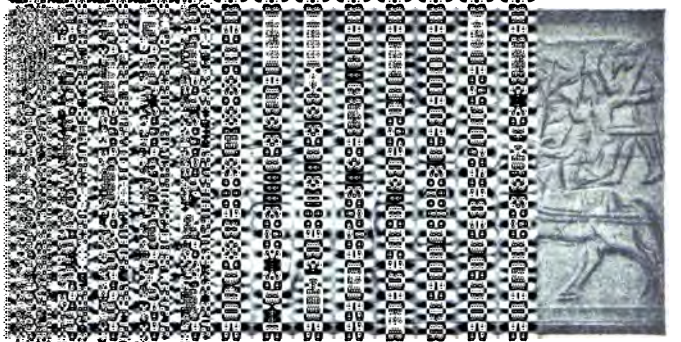
Насколько необходимымъ казался семитическимъ племенамъ свой особый Богъ, какъ глава народа и представитель его единства, ясно видно у ассиріянъ. Занявшіе во второй половинѣ 3-го тысячелѣтія до Р. Хр. будущую территорію царства Ассирійскаго, семиты - вавилоняне образовали самостоятельное государство. Они тотчасъ создали себѣ, безъ ущерба принесенному съ собой вавилонскому пантеону, особаго національнаго Бога Асура (Asir, Asur), первоначально не имѣвшаго даже соотвѣтствующей богини, «посылающаго спасеніе», «священнаго» Бога, «создавшаго самого себя»; онъ не являлся олицетвореніемъ природы или какой-либо силы ея, но почитался, какъ

стоящій надъ всѣмъ міромъ отецъ, повелитель и царь всѣхъ Боговъ, начало вселенной. Іегова въ 2 и 3 стихахъ CXXXV-го псалма названъ «Богомъ Боговъ, Господомъ господствующихъ». Такимъ же считался и Асуръ, и горделивому возгласу израиля: «Кто изъ боговъ сравняется съ Іеговой?» соотвѣтствовалъ такой же возгласъ на берегахъ Тигра: «Кто среди Боговъ равенъ Асуру?» Цари ассирійскаго народа были «жрецы Асура», избранные на эту должность самимъ Асуромъ съ незапамятныхъ временъ.

Эгоистическое притязаніе отдѣльныхъ семитическихъ племенъ считать себя выше другихъ народовъ съ необходимостью вело къ дальнѣйшему выводу, что каждый народъ «избирается» соотвѣтствующимъ богомъ служить исключительно ему— предположеніе, вполнѣ способное внушить отдѣльному народу особенную гордость. Извѣстно, съ какимъ пренебреженіемъ смотритъ мусульманинъ на всѣ народы міра, которымъ Аллахъ не далъ счастья познать истиннаго Бога и поклоняться Ему. Такое же понятіе «избранности» мы встрѣчаемъ и у ассиріянъ, только безъ примѣси презрѣнія къ другимъ народамъ и ихъ богамъ. Ассуръ — городъ Асура, Ассирія — страна Асура, ассиріяне—народъ Асура. Ассирійскіе цари-жрецы въ особенности считали себя призванными Асуромъ почитать его, а свой родъ призваннымъ быть жрецами и служителями Асура. И какъ ассиріяне заявляли притязаніе считать себя народомъ повелителя боговъ Асура, избраннымъ народомъ «Бога», точно такъ же и израиль является избраннымъ народомъ Іеговы, но не Бога въ нашемъ всеобъемлющемъ смыслѣ слова.

[illegible] царемъ.

[illegible] народомъ [illegible] даже осо- [illegible] ремъ (Бытіе, [illegible] ненавидитъ [illegible] ю. Поэтому [illegible] ами Іеговы [illegible] твоихъ [illegible] ходъ XXIII,



[illegible] побѣды царемъ.

[illegible] ва или Саваоѳъ ведетъ [illegible] ихъ враговъ, такъ и [illegible] побѣдѣ войска своего [illegible] имъ на ассирійскихъ [illegible] сура передъ или надъ [illegible] льствующаго въ сра- [illegible] возвращающагося съ [illegible] га Асура имѣетъ видъ [illegible] ужчины, заключенной [illegible] и летящей на широко [illegible] с. 46), подобно тому, [illegible] ящимъ на крыльяхъ

[illegible] бога Асура.

[illegible] ческихъ произведеніяхъ [illegible] латами, щитомъ и ме- [illegible] словамъ псалма VII-го [illegible] Свой мечъ, напрягаетъ [illegible], приготовляетъ для [illegible] ри дѣлаетъ палящими», [illegible] ся вооруженнымъ лу- [illegible] онъ натягиваетъ те- [illegible] если одержана побѣда, [illegible] ть (рис. 46). На асси- [illegible] димъ изображеніе бога [illegible] етящаго надъ быками

и стрѣляющаго изъ лука во враговъ своего народа, и слѣдовательно своихъ враговъ (рис. 47).

Насколько глубоко вкоренилась у семитическихъ народовъ вѣра, что каждый народъ и каждая страна имѣетъ своего бога, который хочетъ и можетъ быть почитаемъ только по обычаямъ своей страны и только

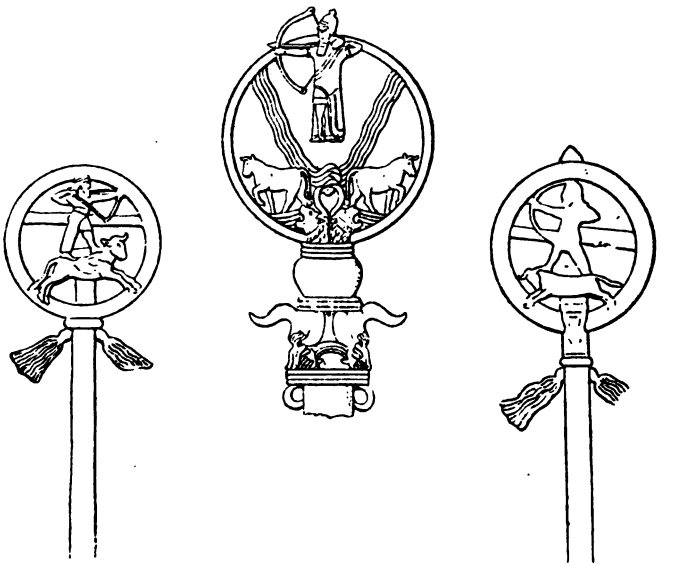


Рис. 47. Ассирійскіе штандарты.

въ ея предѣлахъ, видно ихъ двухъ замѣчательныхъ разсказовъ изъ Ветхаго Завѣта. Въ 4-й книгѣ Царствъ (XVII, 25—28) мы читаемъ, что Іегова преслѣдовалъ львами племена, переселившіяся въ Самарію изъ Вавилона, Куты и Емаѳа и т. д., не почитавшихъ сначала Іеговы и не знавшихъ культа «бога

страны», до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ выселенныхъ оттуда жрецовъ, по приказанію ассирійскаго царя, не вернулся въ Веѳиль и не научилъ эти племена поклоненію Іеговѣ.

Въ 5 главѣ 4-й книги Царствъ разсказывается, какъ сирійскій полководецъ Нееманъ, исцѣлившись отъ проказы и увѣровавъ, благодаря этому, въ Іегову, взялъ съ собою столько земли, сколько можетъ увезти пара лошаковъ, чтобы молиться Іеговѣ на его родной землѣ. Въ соотвѣтствіи съ такимъ вѣрованіемъ всѣ семитическія племена, переселяясь въ Вавилонію, каждый разъ сейчасъ же принимаютъ мѣстную религію, по происхожденію сумерійскую; Терахъ дѣлается въ Вавилоніи идолопоклонникомъ; родители—послѣдователи Іеговы, находясь въ изгнаніи, называютъ даже своимъ дѣтей по имени вавилонскаго божества, напримѣръ Мардохай, пріемный отецъ Есѳири, былъ названъ такъ отцомъ въ честь бога Мардука. Только этимъ и ничѣмъ инымъ можно объяснить непонятное до сихъ поръ явленіе, что израильтяне, переселившись въ Ханаанъ, можно сказать, съ неизбѣжностью закона природы всѣ восприняли культъ ихъ новой ханаанской родины—поклоненіе на священныхъ высотахъ Ваалу и Астартѣ и что изгнанные пророки, несмотря на титаническую борьбу, которую они вели во имя Іеговы противъ ханаанскаго «безбожія» ихъ соплеменниковъ, не могли достигнуть прочнаго и продолжительнаго успѣха. Поистинѣ драматической была эта борьба, которую со всѣмъ пыломъ религіознаго фанатизма, прибѣгая къ увлекательному краснорѣчію и всякимъ рѣшительнымъ мѣрамъ, то обѣщаніямъ, то угрозамъ,

неутомимо вели противъ царей и народа безстрашные высоконравственные люди, требовавшіе нравственной чистоты и отъ своихъ соплеменниковъ, чтобы въ предѣлахъ завоеванныхъ земель Ханаана сохранить израильтянъ вѣрными богу отцовъ и предковъ, а израильскій народъ замкнутымъ политическимъ и религіознымъ цѣлымъ, свободнымъ отъ смѣшенія съ другими племенами.

Но эта самоотверженная борьба пророковъ осталась въ общемъ безъ послѣдствій и совершился судъ Іеговы—таковымъ въ глазахъ пророковъ были бѣдствія, обрушившіяся на ихъ народъ. Десять племенъ сѣвернаго царства сдѣлались добычей ассирійскаго владычества и погибли въ далекомъ изгнаніи, а жители южнаго царства были вытѣснены изъ предѣловъ ханаанской земли и поселены на чужбинѣ. Но религіозный пылъ пророковъ не охладѣвалъ: они утѣшали свой народъ обѣщаніемъ, что Іегова избавитъ его отъ плѣна, вернетъ обратно въ родную землю и пошлетъ ему великое будущее, если отнынѣ онъ будетъ всегда соблюдать Тору Моисея и станетъ поклоняться только одному Іеговѣ. Надеждамъ пророковъ суждено было исполниться. Когда Киръ въ 539 году безъ битвы, черезъ отворенныя измѣнниками ворота, вступилъ въ Вавилонъ и населеніе покрыло его путь пальмовыми вѣтвями, онъ отдалъ приказаніе возвратить всѣмъ городамъ изображенія боговъ, перенесенныя въ Вавилонъ, и возстановить старые культы; изгнаннымъ іудеямъ онъ также позволилъ возвратиться на родину и возстановить старыя мѣста культа въ Іерусалимѣ.

Этимъ разрѣшеніемъ персидскаго царя воспользовалась сравнительно незначительная часть іудеевъ, но среди возвратившихся въ Палестину все болѣе укрѣплялось сознаніе, что Іегова простилъ своему народу всѣ его грѣхи (Пс. LXXXIV, 1—3), опять привелъ его въ свою страну и снова изъ всѣхъ народовъ міра призналъ израильтянъ своимъ народомъ. Всѣмъ извѣстна дальнѣйшая исторія израиля: воздвигнутый вновь среди всевозможныхъ препятствій храмъ на Сіонѣ при Антіохѣ IV Епифанѣ подвергся страшному опустошенію.

Побѣды героевъ Маккавеевъ надъ сирійскими войсками еще разъ возбудили величайшее ликованіе іудейскихъ благочестивыхъ людей. «Блаженъ народъ у котораго Господь есть Богъ, племя, которое онъ избралъ въ наслѣдіе Себѣ» (Пс. XXXII, 12), ко всѣмъ народамъ несется призывъ возносить хвалу Іеговѣ, такъ какъ велика была Его радость къ израилю, и израиль Его народъ, овца Его стада (Пс. XCIX). Небо и земля должны славить Іегову за то, что онъ возвысилъ израильтянъ, какъ «близкій народъ» (Пс. CXLVIII, 14) Въ новыхъ и новыхъ псалмахъ прославляется Іегова и помазанное имъ царство надъ всѣми народами земного шара. Но за успѣхомъ Маккавеевъ послѣдовали новыя тяжелыя пораженія и испытанія; царство Іеговы или царство Божіе и его Мессіи со всѣми связанными съ нимъ многочисленными земными ожиданіями не хотѣло приходить и, обѣщанное въ близкомъ будущемъ, исчезало во все болѣе и болѣе уходящей дали.

Тогда вышелъ сѣятель сѣять свое сѣмя и нѣжными, бережными и полными благочестія словами

кротко и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно разрушилъ всѣ преграды, воздвигнутыя между богомъ и міромъ партикуляристическими народными религіями и яркимъ лучомъ заронилъ въ сердца людей новое универсальное воззрѣніе на Бога и Его отношеніе къ человѣчеству. Іисусъ изъ Назарета въ Галилеѣ исполнилъ законъ и пророчества тѣмъ, что истолковалъ и то и другое въ совершенно новомъ духѣ, расширилъ и восполнилъ ихъ. Онъ положилъ конецъ всякому внѣшнему благочестію и обрядности, уничтожилъ законы о пищѣ навѣки истинными словами, что человѣкъ оскверняется не тѣмъ, что попадаетъ ему въ ротъ, а тѣмъ, что выходитъ изъ его устъ; Онъ выступаетъ противъ злоупотребленій празднованіемъ субботы, мудро сказавъ, что суббота для человѣка, а не наоборотъ; Онъ перенесъ центръ тяжести человѣческой грѣховности на сердце и его желанія; онъ уничтожилъ связь поклоненія Богу съ однимъ опредѣленнымъ мѣстомъ — Іерусалимомъ и вмѣсто языческихъ жертвоприношеній и жреческихъ церемоніаловъ установилъ молитву наединѣ съ самимъ собой; Онъ разбилъ всякую надежду на пришествіе царства Божьяго, отмѣченнаго особыми внѣшними признаками, и оставилъ его въ значительной мѣрѣ уже наступившимъ среди людей; уничтоженіемъ всѣхъ мнимыхъ прерогативъ Онъ открылъ всѣмъ людямъ и народамъ свободный и непосредственный доступъ къ ихъ Отцу Небесному и освободилъ любовь къ ближнему отъ висѣвшихъ еще на ней путъ; въ особенности онъ одухотворилъ представленіе Бога въ образѣ человѣка своими вѣчными словами: «Богъ есть духъ, и поклоняющіеся Ему должны

поклоняться въ духѣ и истинѣ» (Іоан. IV,24); «Богъ есть любовь и кто пребываетъ въ любви, тотъ пребываетъ съ Богомъ, и Богъ пребываетъ съ нимъ». Эта поистинѣ новая религія, освобожденная отъ всякихъ человѣческихъ добавленій, чуждыхъ личности и жизни Іисуса, призвана усовершенствовать міръ.

«Когда такая-то и такая-то звѣзда, въ такой-то и такой-то день взойдетъ на Востокѣ, родится на Западѣ могущественный царь»—такое или подобное этому предсказаніе читаемъ мы на вавилонскихъ таблицахъ. Ясно, что подобную же астрологическую мудрость встрѣчаемъ мы снова въ обвѣянномъ вѣчно-свѣжимъ благоуханіемъ волшебства разсказѣ о томъ, какъ волхвы, увидѣвъ на востокѣ звѣзду новорожденнаго царя, изъ утренней страны пустились въ путь, чтобы поклониться младенцу (Матѳ. II).

Мы испытываемъ глубокую радость, читая этотъ разсказъ. Ибо какъ ни вѣрны остаются слова Гёте,что «человѣческому духу не подняться надъ величіемъ и нравственной культурой христіанства, мерцающими и свѣтящимися въ Евангеліяхъ», всетаки мы, изучая тщательно древній вавилонскій міръ и видя, съ какимъ рвеніемъ, даже съ робкимъ трепетомъ и страхомъ передовые умы Вавилона стремятся познать Бога и истину, можемъ только радоваться тому, что евангелистъ дѣлаетъ вавилонскихъ мудрецовъ первыми, принесшими къ колыбели христіанства свое поклоненіе.

Цѣна 75 коп.

Y.C 100746

M304433

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY